

Стивен Кинг

Ловец снов

Сьюзен Молдоу и Нэп Грэм

СНАЧАЛА НОВОСТИ

Из газеты «Ист Орегониен» — от 25 июня 1947 года:

*СЛУЖАЩИЙ УПРАВЛЕНИЯ О БОРЬБЕ С ЛЕСНЫМИ ПОЖАРАМИ
ЗАСЕК «ЛЕТАЮЩИЕ БЛЮДЦА»*

*Кеннет Арнолд утверждает, что видел девять дискообразных объектов.
«Блестящих, серебристых и передвигавшихся с неслыханной скоростью».*

Сообщение из Росуэлла (Нью-Мексико), «Дейли рекорд» от 8 июля 1947 года:

*ВВС ЗАХВАТИЛИ «ЛЕТАЮЩЕЕ БЛЮДЦЕ» НА РАНЧО В ОКРУГЕ
РОСУЭЛЛ.*

*СОТРУДНИКИ РАЗВЕДКИ ОБНАРУЖИЛИ ПОТЕРПЕВШИЙ
КРУШЕНИЕ ДИСК.*

Сообщение из Росуэлла (Нью-Мексико), «Дейли рекорд» от 9 июля 1947 года:

*КОМАНДОВАНИЕ ВВС УТВЕРЖДАЕТ, ЧТО ТАК НАЗЫВАЕМОЕ
БЛЮДЦЕ — ОБЫКНОВЕННЫЙ МЕТЕОРОЛОГИЧЕСКИЙ ЗОНД.*

«Чикаго дейли трибьюн» от 1 августа 1947 года:

*ВВС США ЗАЯВИЛИ, ЧТО НЕ МОГУТ ДАТЬ ОБЪЯСНЕНИЕ
УВИДЕННОМУ АРНОЛДОМ.*

*Еще 850 свидетельств очевидцев появления необычных предметов после
первого доклада Арнолда.*

Сообщение из Росуэлла (Нью-Мексико), «Дейли рекордс от 19 октября 1947 года:

ПО СЛОВАМ РАССЕРЖЕННОГО ФЕРМЕРА, ТАК НАЗЫВАЕМАЯ

КОСМИЧЕСКАЯ ПШЕНИЦА — ПРОСТО «УТКА».

Эндрю Хоксон отрицает какое-либо воздействие блюдца. Он твердо убежден, что пшеница с красноватым отливом не что иное, как чей-то розыгрыш.

Сообщение из Кентукки, «Куриер джорнел» от 8 января 1948 года:

КАПИТАН ВВС ПОГИБАЕТ В ПОГОНЕ ЗА НЛО.

Последняя передача Ментела: «Металлический, невероятных размеров».

ВВС хранят молчание.

«Брэзилиен нейшнл» от 8 марта 1957 года:

ИНОПЛАНЕТНЫЙ КОРАБЛЬ «КОЛЬЦО» ТЕРПИТ КРУШЕНИЕ В МАТО-ГРОССО!

ДВЕ ЖЕНЩИНЫ ЕДВА НЕ ПОГИБЛИ ВБЛИЗИ ПОНТО-ПОРАН!

«Мы слышали пронзительный писк изнутри», — заявляют они.

«Брэзилиен нейшнл» от 12 марта 1957 года:

УЖАС МАТО-ГРОССО!

Сообщения о серых человечках с огромными черными глазами. Ученые отмахиваются. Свидетели настаивают.

ЦЕЛЫЕ ДЕРЕВНИ ОХВАЧЕНЫ УЖАСОМ!

«Оклахомен» от 12 мая 1965 года:

ПОЛИЦЕЙСКИЙ СТРЕЛЯЕТ В НЛО.

По его словам, блюдце возвышалось на сорок футов над автострадой № 9.

Показания радара авиабазы ВВС в Тинкере совпадают с его докладом.

«Оклахомен» от 2 июня 1965 года:

**«ИНОПЛАНЕТНАЯ РАСТИТЕЛЬНОСТЬ — «УТКА», — ЗАЯВЛЯЕТ
ПРЕДСТАВИТЕЛЬ МИНИСТЕРСТВА СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА.**

*По его словам, «красные семена» — это работа подростков, вооруженных
пульверизаторами.*

**Сообщение из Портленда (штат Мэн), «Пресс-хэролд» от 14 сентября
1965 года:**

**СЛУЧАЕВ ПОЯВЛЕНИЯ НЛО В НЬЮ-ХЭМПШИРЕ СТАНОВИТСЯ ВСЕ
БОЛЬШЕ.**

*Чаще всего НЛО замечены вблизи Экзетера. Местные жители опасаются
вторжения инопланетян.*

**Сообщение из Манчестера (штат Нью-Хэмпшир), «Юнион-Лидер» от
30 сентября 1965 года:**

**ЭПИДЕМИЯ ПИЩЕВЫХ ОТРАВЛЕНИЙ В ПЛЕЙСТОУ: ПРИЧИНА ТАК
И НЕ РАСКРЫТА.**

*Более трехсот пострадавших. Большинство выздоравливает.
Представитель управления по контролю за продуктами и лекарствами
считает, что причиной могут быть загрязненные водные источники.*

«Мичиган джорнел» от 9 октября 1965 года:

**ДЖЕРАЛД ФОРД ПРИЗЫВАЕТ К РАССЛЕДОВАНИЮ НЕПОНЯТНОГО
ЯВЛЕНИЯ.**

*Лидер республиканской партии заявляет: «Мичиганские огни» могут
иметь внеземное происхождение.*

«Лос-Анджелес таймс» от 19 ноября 1978 года:

**УЧЕНЫЕ КАЛИФОРНИЙСКОГО ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА
ОТМЕЧАЮТ ПОЯВЛЕНИЕ ГИГАНТСКОГО ЛЕТАЮЩЕГО ДИСКА В
ПУСТЫНЕ МОХАВЕ.**

Тикмен: «Я был окружен крохотными яркими огоньками».

Моралес: «Видел красную траву, похожую на «ангельский волос».

«Лос-Анджелес таймс» от 24 ноября 1978 года:

*СЛЕДОВАТЕЛИ ПОЛИЦИИ ШТАТА И ВВС НЕ НАШЛИ НИКАКИХ
«АНГЕЛЬСКИХ ВОЛОС» НА МЕСТЕ ПОЯВЛЕНИЯ НЛО В ПУСТЫНЕ
МОХАВЕ.*

*Тикмен и Моралес соглашаются пройти тест на «детекторе лжи».
Возможность ложных показаний полностью исключена.*

«Нью-Йорк таймс» от 16 августа 1980 года:

«ПЛЕННИКИ ИНОПЛАНЕТЯН» ОСТАЮТСЯ ПРИ СВОЕМ МНЕНИИ.

*Психологи сомневаются в достоверности портретов так называемых
серых человечков.*

«Уолл-стрит джорнел» от 9 февраля 1985 года:

КАРЛ САГАН: «НЕТ, МЫ НЕ ОДИНОКИ!»

*Выдающийся ученый вновь подтверждает свою веру в существование
инопланетных цивилизаций, утверждая, что шансы на существование
иных цивилизаций огромны.*

«Финикс сан» от 14 марта 1997 года:

*ОГРОМНЫЙ НЛО ЗАМЕЧЕН ВБЛИЗИ ПРЕСКОТТА. ДЕСЯТКИ
ОЧЕВИДЦЕВ ОПИСЫВАЮТ ПРЕДМЕТ В ФОРМЕ БУМЕРАНГА.*

Коммутатор на авиабазе ВВС в Льюке разрывается от сообщений.

«Финикс сан» от 20 марта 1997 года:

*ЗАГАДКА «ОГНЕЙ ФИНИКСА» ПО-ПРЕЖНЕМУ ОСТАЕТСЯ
НЕРЕШЕННОЙ.*

*Эксперт заявляет, что фото не фальшивка. Следователи ВВС хранят
молчание.*

Сообщение из Полдена (штат Аризона), «Уикли» от 9 апреля 1997 года:

*ЭПИДЕМИЯ ПИЩЕВЫХ ОТРАВЛЕНИЙ НЕ НАХОДИТ ОБЪЯСНЕНИЯ.
РАССКАЗЫ О ПОЯВЛЕНИИ «КРАСНОЙ ТРАВЫ» ОБЪЯВЛЕНЫ
ВЫМЫСЛОМ.*

Сообщение из Дерри (штат Мэн), «Дейли ньюс» от 15 мая 2000 года:

ТАИНСТВЕННЫЕ ОГНИ СНОВА ЗАМЕЧЕНЫ НА Джефферсон-тракт

Мэр Кинео-таун: «Не знаю, что это такое, но они появляются снова и снова».

ДДДТ

Это стало их девизом, и Джоунси под страхом смерти не мог припомнить, кто из них первым ввел это в обиход. «Берешь чужие в долг на время — отдаешь свои и навсегда» — это его высказывание. «Трахни меня в задницу, Фредди» и еще с полдюжины столь же красочных непристойностей — вклад Бивера. Генри приучил их небрежно бросать: «Все, что возвращается на круги своя, возвращается на круги своя» — типичный образец того дзен-буддистского дерьма, которым он так увлекался еще с детства. А вот ДДДТ... как насчет ДДДТ? Чей светлый ум это родил?

Не важно. Не имеет значения. Главное, что они свято верили второй половине этой аббревиатуры, когда были неразлучной четверкой, а потом и всему целому, когда их стало пятеро, ну а потом... вновь превратившись в четверку, опять поверили, только на этот раз первой половине.

Но когда их опять осталось только четверо, дни стали темнее. Мрачнее, что ли? Теперь все чаще попадались «трахни-меня-в-задницу» дни. Это-то было ясно, но вот почему? Ответа не было. С ними явно творилось что-то неладное, они это знали... Неладное — или странное? Только что? Они ощущали, что пойманы, загнаны в ловушку, но каким образом? И все это случилось задолго до появления огней в небе. До Маккарти и Бекки Шу.

ДДДТ: иногда это всего лишь слова. А иногда кажется, что вообще ничто. Пустота. Тьма. И тогда... как же найти в себе силы жить дальше?

1988: Даже у Бобра бывает хандра

Сказать, что брак Бивера не сложился, — все равно что заявить о ком-то «немножко беременна» или «приземление космического корабля «Челленджер» чуть-чуть не удалось». Джо «Бивер»^[1] Кларендон и Лори Сью Кинопенски вытерпели восемь месяцев, а затем — все, прошла любовь, кто-нибудь помогите собрать чертовы осколки.

Вообще-то Бив, можно сказать, малый веселый и добродушный, это вам подтвердят все его закадычные друзья, но тут его настигла черная полоса. Он не встречается со своими старыми друзьями, то есть теми, кого считает настоящими друзьями, если не считать одной-единственной недели в ноябре, когда они каждый год собираются вместе, а в прошлом ноябре они с Лори Сью все еще тянули лямку. Правда, эта самая лямка становилась все тоньше, но еще держалась. Теперь он проводит слишком много времени, и даже сам это понимает, в барах портлендского Старого порта: «Портхоул», «Сименс-клуб» и «Фри-стрит паб». Чересчур много пьет, тянет косячок за косячком и по утрам все чаще отворачивается от зеркала в ванной: налитые кровью глаза, полуприкрытые набрякшими веками, стыдливо глядят в сторону. И одна-единственная мысль бьется в тяжелой голове: следовало бы бросить все эти забегаловки, иначе влипну, как Пит. Пропади все пропадом...

Бросить забегаловки, бросить шляться, не пить — зашибись! — но день за днем все продолжается по заведенному порядку, и он снова сидит за стойкой, а, поцелуй меня в задницу, и пошло все оно туда и туда!

В этот четверг очередь «Фри-стрит паб», и будь он проклят, если не пристроится там в компании со стаканчиком пивка, косячком в кармане, а из музыкального гроба доносится старая мелодия, вроде тех, что когда-то играли «Вэнчерс». Он не может вспомнить название этой вещи, популярной еще до его рождения. И все же знает ее, потому что часто слушает радио-ретро портлендской станции... с тех пор как развелся. Ретро-шлягеры — штука утешительная. Имеют странное свойство успокаивать. А вот новые хиты... Лори Сью знала великое их множество и

даже любила, но до Бивера они как-то не доходили.

«Фри-стрит» почти пуст: не больше полудюжины клиентов за стойкой и еще столько же гоняют бильярдные шары в задней комнате. Бивер с тройкой закадычных приятелей сидят в одной из кабинок, дуют «Миллер»^[2] и тасуют засаленную колоду карт, чтобы бросить жребий, кому платить за следующую порцию пива. Что это за мелодия со сплошным гитарным перебором? «Без границ»? «Телстар»? Нет, в «Телстар» ритм ведет синтезатор, а тут ничего подобного. Остальные треплются о Джексоне Брауне, игравшем вчера вечером в муниципальном центре. Если верить Джорджу Пелсену, который там был, тот устроил классное шоу, настоящий отпад, сдохнуть можно!

— Но это еще не все! — объявляет Джордж, выразительно озирая собравшихся. — Кое-что припас на закуску!

Он гордо вытягивает и без того выступающий вперед подбородок и показывает красное пятно на шее:

— Знаете, что это такое?

— Засос, что ли? — немного смущенно спрашивает Кент Астор.

— Светлая башка, мать твою! — восклицает Джордж. — После спектакля я торчал за кулисами вместе с целой кодлой фэнов, рвущихся получить автограф Джексона. Или, ну... не знаю, Дэвида Линдли, что ли. Он классный мужик.

Кент и Шон Робидо соглашаются, что Дэвид Линдли настоящий класс, не гитарный бог, разумеется (вот Марк Нопфлер из «Дайр Стрейтс» — тот бог, или Энгус Янг из «АйСи/ДиСи», это да, а уж Клэптон — и говорить нечего), но все равно на уровне. У Линдли потрясная фразировка, да и техника — дай бог каждому!

Бивер не участвует в разговоре. Все, что ему хочется, — поскорее убраться отсюда, из этой вонючей, задрипанной забегаловки, глотнуть свежего воздуха. Он уже знает, к чему клонит Джордж, и все это вранье.

Ее звали вовсе не Шанте, ты вообще не знаешь, как ее звали, она проплыла мимо тебя, как мимо стенки, и поделом, кто ты для такой девушки, еще

один трудяга-волосатик из очередного мелкого рабочего городишки Новой Англии. Ты и твоя тоскливая сраная житуха! «Шанте» — название группы, которую мы слушаем, не «Мар-Кетс» или «Бар-Кис», а «Шанте». «Пайплайн» в исполнении «Шанте», а эта штука у тебя на шее — никакой не засос, а порез бритвой.

Так он думает и вдруг слышит плач. Не в баре. В своем мозгу. Давно забытый плач. Ударяет прямо в голову, вонзается в серое вещество осколками стекла, и о, трахни меня в задницу, трахни, Фредди, кто-то должен заставить его замолчать.

Я и заставил, думает Бивер. Это был я. Именно я — тот, кто заткнул его. Обнял и стал петь.

Тем временем Джордж Пелсен расписывает, как дверь гримерной наконец открылась, но оттуда появился не Джексон Браун, не Дэвид Линдли, нет! Трио хористочек на подпевках, Рэнди, Сьюзи и Шанте. Аппетитные дамочки, аж слюнки текут.

— Везет же! — вздыхает Шон, закатывая глаза. Шон, кругленький коротышка, чьи сексуальные похождения ограничиваются случайными поездками в Бостон, где он пожирает глазами стрипушек в «Фокси леди» и официанток в «Хутерс». — Ни хера себе, Шанте, никак не меньше!

Он с плотоядной улыбкой делает красноречивые пассы над ширинкой. Похоже, часто работает ручками? Ну да, кто же согласится с ним лечь?

По крайней мере, думает Бив, хоть в этом он выглядит настоящим профессионалом.

— Ну... я заговорил с ними, в основном с ней, Шанте... спросил, хотела бы она познакомиться с ночной жизнью Портленда. Слово за слово, и мы...

Бив вынимает из кармана зубочистку и сует в рот, отсекая дальнейшее повествование. Да, зубочистка — как раз то, что сейчас надо. Не кружка пива, не косячок в кармане, не пустая трепотня Джорджа Пелсена о том, как они с Шанте столковались в кузове его пикапа, благодарение Богу хотя бы за это убежище, когда фургон враскачку, не вздумай лезть в «тачку»!

Все это чушь и бред собачий, думает Бивер, и внезапно тоска стискивает

горло, такая отчаянная тоска, которую ему еще не доводилось пережить, даже когда Лори Сью собрала вещички и ушла к родителям. Все это настолько на него не похоже... и вдруг ему смертельно захотелось смыться отсюда к такой-то матери, наполнить легкие прохладным, соленым морским воздухом и найти телефон. И позвонить Джоунси или Генри, не важно кому, любой сгодится. Он хочет сказать: «Привет, старина, как оно ничего?» — и услышать, как один из них ответит: «Да знаешь, Бив, ДДДТ. Нет костяшек, нет игры».

Он встает.

— Эй, парень, — вскидывается Джордж. Бивер ходил с Джорджем в «Уэстбрук джуниор колледж», и там он казался вполне нормальным, но все это было много-много кружек пива назад. — Куда это ты?

— Отлить, — бросает Бивер, перемещая зубочистку с одного угла рта на другой.

— Только тащи поскорее обратно свой вонючий зад, я как раз перехожу к главному, — вещает Джордж, и Бивер думает: «Трусики-«танга» с прорехой в промежности». О черт, сегодня в воздухе так и носятся дурные флюиды, должно быть, к перемене погоды или что-то в этом роде.

Джордж понижает голос:

— Когда я поднял ее юбку...

— Знаю, на ней были трусы-«танга», — отмахивается Бивер и отмечает удивленный, почти потрясенный взгляд Джорджа, но не обращает внимания. — Я бы не прочь послушать подробности.

Он отходит, направляется в туалет, с желто-розовой вонью мочи и дезинсектанта, минует туалеты, сначала мужской, потом женский, дверь с надписью «офис» и оказывается в переулке. Низко нависшее тусклое, дождливое небо, серый денек, но воздух свеж. Так свеж! Он глубоко втягивает его и снова думает: «Нет костяшек, нет игры»... Бив чуть улыбается.

И шагает неведомо куда минут десять, жуя зубочистку и пытаясь прояснить голову. В какой-то момент, точно уже не припомнить, он выбрасывает

косячок, мирно лежавший в кармане, и звонит Генри из платного телефона в «Джо Смоук шоп» у Моньюмент-сквер. Скорее всего он наткнется на автоответчик: Генри еще должен быть в университете, но оказывается, что Генри уже дома и поднимает трубку после второго звонка.

— Как поживаешь, старик? — спрашивает Бивер.

— Да сам знаешь, — отвечает Генри. — День другой, дерьмо все то же... Как насчет тебя, Бив?

Бив закрывает глаза. На какую-то долю секунды все снова в порядке, все снова хорошо, так хорошо, как только может быть в этом сволочном мире.

— Примерно так же, приятель. Примерно так же.

1993: Пит помогает даме в беде

Пит сидит за письменным столом чуть в стороне от демонстрационного зала «Макдоналд моторс» в Брайтоне, задумчиво вертя цепочку с ключами, на которой прицеплен брелок, состоящий из четырех, покрытых голубой эмалью букв: NASA.

Мечты стареют куда быстрее мечтателей, и этот неоспоримый жизненный факт Пит обнаружил с течением лет.

Однако умирают зачастую трудно и долго, вопя тихими скорбными голосами где-то на задворках мозга. Давненько Пит не ночевал в спальне, оклеенной снимками с изображениями космических кораблей «Аполло» и «Сатурн», астронавтов и выходов в космос (работа за бортом КЛА, ежели кто знает), а также космических капсул, с кожухами, закопченными и оплавленными сверхвысокими температурами при входе в плотные слои атмосферы... и лунные модули, и «Вояджеры», и одна фотография блестящего диска над автомагистралью 80: застывшие люди стоят на забитом шоссе у машин, защищая ладонями глаза от нестерпимого света. Подпись под фото гласит:

ОБЪЕКТ, СФОТОГРАФИРОВАННЫЙ ВБЛИЗИ АРВАДЫ, ШТАТ КОЛОРАДО, В 1971 ГОДУ, И ДО СИХ ПОР ОСТАВШИЙСЯ НЕОПОЗНАННЫМ. ЭТО НАСТОЯЩЕЕ НЛО.

Как давно это было.

И все же он провел одну неделю из двухнедельного отпуска в Вашингтоне, округ Колумбия, где каждый день ходил в Национальный музей авиации и космонавтики, проводя там все время в блужданиях среди экспонатов с изумленной улыбкой на лице, И подолгу глазел на лунные камни, размышляя: эти камни привезены из места, где небеса всегда черны, а молчание подавляюще и вечно. Нил Армстронг и Базз Олдрин захватили с собой почти двадцать килограммов иного мира, и вот они здесь.

А вот и он, сидит за столом, в день, когда не удалось продать ни одной

машины (люди отчего-то не любят покупать машины в дождь, а в Питовой части света еще затемно началась морось), вертит на пальце цепочку NASA и поглядывает на часы. Почему-то в такие дни время просто ползет, а уж по мере приближения к пяти — так и вовсе замирает. Пять — законный час для первой кружечки пивка. До этого — ни-ни, ни единой. Если пьешь с утра, значит, рано или поздно придется подсчитывать, сколько выпил — верный путь в алкоголики. А вот если еще способен ждать... вертеть цепочку и ждать...

И так же страстно, как первой кружки, Пит ждет ноября. Апрельская поездка в Вашингтон позволила отвести душу, а лунные камни все же сногшибательная штука (стоит только вспомнить, и снова дух захватывает, как в первый раз), но одиночество все же дает о себе знать, и от этого на сердце как-то паршиво. В ноябре он возьмет вторую неделю отпуска и встретится с Генри, Джоунси и Бивом. Вот тогда-то и позволит себе пить днями напролет. Когда ты в лесу, на охоте с друзьями, вполне естественно тянуть пиво с утра до вечера. Это, собственно говоря, традиция. Это...

Дверь открывается и на пороге возникает привлекательная брюнетка. Примерно пять футов десять дюймов (Пит обожает высоких курочек), лет тридцати. Осматривает выставочные модели (новый «тандерберд» цвета темного бургундского — гвоздь сезона, хотя «эксплорер» тоже хоть куда), но с таким видом, словно не слишком заинтересована в покупке. Заметив Питера, она делает шаг к столу. Но тот уже поднимается, уронив ключи на книгу записей, включает ослепительно профессиональную улыбку в двести ватт, не меньше, беби, уж поверь, и устремляется к ней с протянутой рукой. Рукопожатие выходит крепким, деловым, но она явно чем-то расстроена.

— Скорее всего ничего не выйдет, — вздыхает она.

— Никогда не начинайте разговор с продавцом автомобилей с таких обидных слов, — советует Пит. — Мы обожаем вызов. Я — Пит Мур.

— Привет, — говорит она, но не называет своего имени, а зовут ее Триш. — У меня свидание во Фрайбурге, ровно через... — она вскидывает глаза на часы, те, с которых Пит целый день напролет не сводил взгляда, — ...через сорок пять минут. С клиентом, который хочет купить дом, и кажется, у меня есть именно то, что надо, и комиссионные приличные, а... — глаза вдруг наполняются слезами, и ей приходится сглотнуть, чтобы

избавиться от непрошеной хрипотцы, — ...а я потеряла ключи от машины! Чертовы ключи от машины!

Она открывает сумочку и судорожно в ней роется.

— Но у меня права... плюс другие документы... все доказательства, и я подумала, а вдруг, вдруг вы сумеете раздобыть мне новые ключи, и я спокойно уеду. Это сделка меня здорово выручила бы. Только с комиссионных можно бы спокойно жить весь год, мистер...

Она забыла. Но Пит не обижается. Мур — фамилия столь же обычная, как Смит или Джоунс. Кроме того, она растеряна и вне себя. Еще бы, ключи потерять, такое несчастье! Он тут всякого навидался.

— Мур. Но я отзываюсь и на Пита.

— Не могли бы вы помочь мне, мистер Мур? Или кто-нибудь из отдела обслуживания?

Старина Джонни Дэймон и рад бы помочь, но уж сегодня ей во Фрайбург точно не поспеть.

— Мы сможем привезти вам новые ключи, но это займет как минимум сутки, а то и двое, — сообщает он.

Она смотрит на него мокрыми, бархатисто-кариими глазами и тоскливо стонет:

— Черт... о черт...

Странная мысль приходит в голову Питу: она похожа на девочку, которую он знал когда-то, давным-давно. Не слишком хорошо, они знали ее не слишком хорошо, но все же настолько, чтобы спасти ей жизнь. И звали ее Джози Ринкенхауэр.

— Я так и думала, — бормочет Триш, не пытаясь больше скрывать рыдания. — О дьявол, я так и думала!

Она отворачивается и начинает плакать, уже не сдерживаясь. Пит подходит сзади и осторожно берет ее за плечо.

— Погодите, Триш. Погодите минуту.

Проклятие, какой промах! Она ведь не назвалась, а он окликнул ее по имени, хотя никто их не знакомил... но может, она слишком убита горем, чтобы это заметить.

— Вы откуда? — спрашивает он. — Я хочу сказать, вы ведь не из Брайтона?

— Нет, — качает она головой. — Наш офис в Уэстбруке. «Деннисон риэл эстейт». Мы те самые, которые с маяком.

Пит кивает, словно что-то понял.

— Я сейчас оттуда, только остановилась у здешней аптеки, купить аспирин, потому что голова всегда раскалывается перед важным свиданием... это стресс, и, Господи, в висках словно молотки стучат.

Пит снова кивает, на этот раз сочувственно. Ему знакомо это ощущение. Правда, чаще всего оно вызвано не стрессом, а избытком пива, но какая разница?

— У меня оставалось еще немного времени, вот я и зашла в магазинчик рядом с аптекой выпить кофе... кофеин, знаете, когда голова болит, кофеин очень помогает...

Пит кивает в третий раз. В их компании главный психолог — Генри, это он настоящий шринк[3]? но Пит не раз твердил ему, что хороший продавец должен безошибочно читать чужие мысли и видеть человека насквозь, иначе не то что машину, туалетную бумагу не продашь. И теперь Пит с радостью замечает, что его новая приятельница чуть успокоилась. Вот и хорошо. Кажется, он сумеет помочь ей — если она позволит, конечно. Он уже чувствует, как это случится. Крошечный щелчок, и дверца приоткроется. Ему нравится само ожидание этого щелчка. Ничего особенного, конечно, и неизвестно, чем все кончится. Но так или иначе, а что-то в этом есть.

— Ну и... и забежала к «Ренни», на другой стороне улицы. Купила шарф, из-за дождя... нужно же чем-то...

Она касается волос.

— Потом вернулась к машине, а мои сволочные ключи исчезли! Я немедленно пошла обратно, по магазинам, к аптеке, но, поверите, и след простыл! А теперь я опоздаю к клиенту!

Она снова взвинчена, готова заплакать. Поднимает взгляд на часы. Для него время плетется. Для нее — летит. Вот вам и разница между людьми.

— Успокойтесь, — говорит он. — Возьмите себя в руки и выслушайте меня. Сейчас отправимся к аптеке и поищем ваши ключи.

— Но их там нет! Я обшарила все проходы между стеллажами, обыскала полку, с которой брала аспирин, спросила девушку за прилавком...

— Проверить лишний раз не повредит, — перебивает он и ведет ее к двери, легонько, но решительно подталкивая в спину. Ему нравится запах ее духов, а еще больше — волосы. Именно волосы. И если они так смотрятся в серый денек, как же светятся на солнце?

— Мое свидание...

— У вас еще сорок минут, — говорит Пит. — Когда туристы разъезжаются, до Фрайбурга можно добраться минут за двадцать. Десять минут на поиски ваших ключей, а если ничего не выйдет, я сам вас отвезу.

Она с сомнением косится на него. Но Пит смотрит мимо нее, в одну из клетушек-кабинетов.

— Дик! — окликает он. — Эй, Дики М.!

Дик Макдоналд поднимает голову от россыпи накладных.

— Заверь леди, что я благополучно доставлю ее во Фрайбург, если до этого дойдет.

— О, он вполне благонадежен, мэм, — кивает Дик. — Никакой не сексуальный маньяк, не гонит с запредельной скоростью. Всего лишь попытается продать вам новый автомобиль.

— Я крепкий орешек, — улыбается она сквозь слезы, — но так и быть, по рукам.

— Прикрой меня по телефону, ладно, Дик?

— Ладно, хотя это нелегко. В такую погоду покупателей приходится отгонять палками.

Пит и брюнетка Триш выходят, пересекают переулок и пешком добираются до Мейн-стрит, это три минуты ходу.

Аптека — второе здание слева. Морось усиливается и теперь уже больше походит на дождь. Женщина повязывает волосы новым шарфом и смотрит на непокрытую голову Пита.

— Вы промокнете, — говорит она.

— Я — с севера. Мы так быстро не сдаемся.

— Как по-вашему, сумеем их найти? — вдруг вырывается у нее.

Пит пожимает плечами:

— Может быть. У меня чутье на такие дела прямо-таки собачье. И всегда было.

— Знаете что-то, чего я не знаю? — удивляется она.

Нет костяшек, нет игры, — думает он. — Только и всего, мэм.

— Нет, — говорит он вслух. — Пока нет.

Они входят в аптеку, и колокольчик над дверями уныло тренькает. Девушка за прилавком нехотя отрывается от журнала. Двадцать минут четвертого, день сумрачный, и, следовательно, кроме них троих и мистера Диллера за рецептурным прилавком — ни одного человека.

— Привет, Пит, — кивает девушка.

— Эй, Кэт, как дела?

— Сам видишь... еле-еле, — вздыхает она и обращается к брюнетке:

— Мне очень жаль, мэм, но я еще раз везде посмотрела и ничего не нашла.

— Ничего страшного, — бормочет Триш со слабой улыбкой, — этот джентльмен согласился меня подвезти.

— Ну-у-у, — тянет Кэти, — Пит, конечно, славный, но я не заходила бы так далеко, именуя его джентльменом.

— Придержала бы язычок, дорогуша, — ухмыляется Пит, — если не хочешь платить за моральный ущерб. Судьи у нас всегда на стороне обиженных.

Он украдкой смотрит на часы. Время и для него ускорило бег. Вот и прекрасно, хотя бы для разнообразия.

Пит оглядывается на Триш.

— Сначала вы зашли сюда. За аспирином.

— Верно. Купила упаковку аспирина. А в оставшееся время решила...

— Выпить кофе у «Кристи», а потом зайти к «Ренни».

— Д-да.

— Вы не запивали аспирин горячим кофе?

— Нет, в машине была бутылка воды «Поланд». — Она показывает в окно на зеленый «таурус». — Запила водой таблетки. Но потом пошарила по сиденью и... заодно проверила зажигание.

Она окидывает их нетерпеливым взглядом, в котором ясно читается: «Знаю, что вы думаете: какая-то полоумная, морочит голову».

— И последний вопрос. Если я найду ваши ключи, согласитесь поужинать со мной? Мы могли бы встретиться в «Уэст Уорф».

— Я знаю «Уэст Уорф», — улыбается она сквозь слезы.

Кэти привстала, даже не пытаясь сделать вид, что читает журнал. Да это куда интереснее любого романа!

— Откуда вы знаете, что я не замужем и вообще свободна?

— А обручальное кольцо? — немедленно возражает он, хотя еще не успел взглянуть на ее безымянный палец. — Кроме того, я всего лишь имел в виду жареных моллюсков, салат из моркови с капустой и слоеный пирог с клубникой, а вовсе не пожизненный союз.

Она, в свою очередь, смотрит на часы:

— Пит... мистер Мур... боюсь, что сейчас мне не до флирта. Если подвезете меня, буду рада поужинать с вами. Но...

— Этого вполне достаточно, — отзывается Пит. — Но, думаю, вы поедете в своей машине, так что встретимся позже. Пять тридцать вам подходит?

— Да, прекрасно, но...

— Заметано.

Пита захлестывает давно не испытанное ощущение счастья. Это чудесно. Счастье — это чудесно. Два последних года ему и сотой доли ничего подобного не довелось изведать, а почему? Непонятно. Слишком много промозглых, пропитанных алкоголем ночей блуждания по барам между 302-м шоссе и Норт-Конуэем? Да, но разве только в этом дело? Может, и нет, но на размышления времени не осталось. Даме нужно успеть на деловое свидание. Если она к тому же продаст дом, кто знает, может, и Питу Муру крупно повезет? А если и ничего не выйдет, если удача отвернется... что ж, зато он все равно ей поможет. Он это чувствует.

— Сейчас я сделаю кое-что необычное... может, даже на первый взгляд странное, но пусть это вас не волнует, — объявляет он. — Всего лишь небольшой фокус, вроде как потерять переносицу, чтобы не чихнуть, или ударить себя по лбу, когда пытаешься вспомнить чье-то имя. Договорились?

— Д-да... наверное, — выговаривает сбитая с толку Триш.

Пит закрывает глаза, подносит к лицу некрепко сжатый кулак, выбрасывает

указательный палец и принимается водить им взад и вперед.

Триш оборачивается к продавщице. Та пожимает плечами, словно говоря: «Кто знает?»

— Мистер Мур, — нерешительно произносит Триш. — Мистер Мур, может, мне просто...

Пит открывает глаза, глубоко вздыхает и опускает руку. И смотрит мимо Триш, на дверь...

— Итак... вы вошли... — Его глаза двигаются, словно следя за вошедшей Триш. — Шагнули к прилавку... Наверное, спросили о чем-то. В каком проходе аспирина... Что-то в этом роде.

— Да, я...

— Но вы еще что-то взяли. — Он видит это что-то на полке со сладостями. Ярко-желтый рисунок, что-то вроде отпечатка ладони. — Батончик «Сникерс».

— «Маундс», — шепчет она, хлопая ресницами. — Откуда вы узнали?

— Взяли шоколадку, только потом пошли за аспирином. Заплатили и ушли... выйдем на минуту. Пока, Кэти.

Кэти только кивает, не сводя с него вытаращенных глаз. Пит шагает за порог, не обращая внимания на звяканье колокольчика, на морось, теперь и в самом деле превратившуюся в дождь. Желтизна на тротуаре исчезает: водяные струи смывают ее и уносят. И все же он способен разглядеть ее, и ужасно этим доволен. Он видит линию. Это ощущение щелчка. Клик, и готово. Здорово! Сколько же времени он не видел ее так ясно?!

— Назад к вашей машине, — бормочет он себе под нос, — чтобы запить водой пару таблеток аспирина...

Он пересекает тротуар, медленно подбирается к «таурусу». Триш, встревоженно оглядываясь, следует за ним. Взгляд взволнованный. Почти испуганный.

— Открыли дверь. Взяли сумочку... ваши ключи... аспирин... батончик... все такое... перекладываете их из руки в руку... и тут...

Он наклоняется, шарит в воде, хлещущей в сточной канаве, запускает туда ладонь почти до запястья, поднимает что-то и кланяется с видом фокусника, удачно выполнившего сложный трюк. В сереньком, почти сумеречном свете ярко вспыхивают серебром ключи.

— ...тут вы уронили ключи.

Сначала ей не приходит в голову их взять. Она потрясенно смотрит на него, словно только сейчас у нее на глазах свершилась магия. Черная магия. А он и есть тот самый злой маг.

— Ну же, — настаивает он, со слегка поблекшей улыбкой. — Берите же. Тут нет ничего сверхъестественного. Чистая дедукция. Мне не привыкать. Вам следовало бы брать меня в поездки, на случай если заблудитесь. Я в два счета отыщу дорогу.

Только тогда она берет ключи. Быстро, стараясь не коснуться его пальцев, и Пит сразу же понимает, что она не придет в ресторан. Не стоит быть семи пядей во лбу, чтобы понять это: достаточно взглянуть в ее глаза, скорее напуганные, чем благодарные.

— Спасибо... спасибо вам, — лепечет она, мысленно измеряя расстояние между ними, будто боясь, что он подступит слишком близко.

— Не за что. Только не забудьте: «Уэст Уорф», в половине шестого. Лучшие жареные моллюски в этой части штата.

Поддержим иллюзию. Приходится иногда, независимо от того, что творится на душе. И хотя какая-то часть радости этого дня ушла, растворилась, что-то еще теплится. Он видел линию, а от этого всегда становится легче. Фокус простой, но приятно сознавать, что он еще может...

— Половина шестого, — эхом отзывается она, открывая дверцу машины, но опасливый взгляд, брошенный через плечо, подозрительно похож на тот, каким обычно посматриваешь на пса, бешено рвущегося со сворки.

Она рада до посинения, что теперь не придется ехать с ним во Фрайбург. И не нужно уметь читать мысли, чтобы это сообразить.

Он неподвижно стоит под кнутами дождевых струй, наблюдая, как она выруливает на мостовую, и на прощание отдает жизнерадостный салют лихого продавца автомобилей. В ответ она рассеянно шевелит пальчиками, и, разумеется, когда он ровно в пять тридцать заглядывает в «Уэст Уорф» (на всякий случай, точность — вежливость королей), ее никто не видел, и час спустя она все еще не показывается. Он все равно не уходит: сидит за стойкой бара, пьет пиво и провожает глазами машины, мчащиеся по шоссе 302. Ему кажется, что он видит ее, где-то около пяти сорока. Зеленый «таурус», пролетевший мимо на полной скорости, в пелене дождя, ставшей к тому времени беспросветной, зеленый «таурус», который, вполне возможно, еще тянет за собой желтую полосу, сразу же тающую в сереющем воздухе.

День другой, дерьмо все то же, думает он, но радость уже омрачена, вытеснена привычной грустью, грустью, ощущаемой как нечто заслуженное: цена так и не позабытого предательства. Он закуривает сигарету... Давным-давно, в детстве, притворялся, что курит, но в этом больше нет нужды...

И заказывает еще кружечку. Милт приносит, но при этом ворчит:

— Неплохо бы сначала что-то кинуть в желудок, Питер.

Поэтому Пит заказывает порцию жареных моллюсков и даже съедает несколько, предварительно окунув в соус тартар, но перед тем как двинуться по кругу в какую-нибудь забегаловку, где его не так хорошо знают, пытается дозвониться в Массачусетс, к Джоунси. Но Джоунси и Карла наслаждаются редким свободным вечером, и трубку берет приходящая няня, которая и спрашивает, не нужно ли чего передать. Пит едва не говорит «нет», но тут же спохватывается.

— Передайте, звонил Пит, сказал ДДДТ.

— Д... Д... Д... Т... — повторяет девушка, старательно записывая. — Он поймет, что это...

— О да, — заверяет Пит, — еще бы.

К полуночи он надирается в какой-то нью-хэмпширской пивнушке, то ли «Мадди Раддер», то ли «Радди Матер», он так и не усек. Едва ворочая языком, Пит пытается поведать такой же окосевшей телке, как когда-то свято верил в то, что окажется первым человеком, ступившим на Марс. И хотя та кивает и твердит, будто заведенная, «ага-ага-ага», он почему-то сознает, что у нее только и мыслей, как бы опрокинуть еще порцию бренди перед закрытием. Но это ничего. Это не важно. Завтра он проснется с головной болью и ужасным похмельем, но все равно отправится на работу и продаст машину, а может, и нет, но так или иначе мир вертится. А вдруг удастся сбить винно-красный «тандерберд», прощай любимая! Когда-то все было иначе, но теперь все пофигу. Наверное, и с этим можно жить, для такого парня, как он, правило большого пальца — всего лишь ДДДТ, день другой, дерьмо все то же, и хрен с ним, со всем остальным. Ты вырос, стал мужчиной, смирился с тем, что получил меньше, чем надеялся, обнаружил, что на волшебной машинке для грез и снов висит большая табличка: НЕ РАБОТАЕТ.

В ноябре он отправится на охоту с друзьями, и этого вполне достаточно, чтобы с надеждой смотреть в будущее... это и, возможно, классный слюнявый, пахнущий губной помадой минет в машине от этой бухой телки. Требовать еще чего-то — напрашиваться на лишнюю сердечную боль.

Грезы и сны — это для детей.

1998: Генри лечит диванного пациента

В комнате полумрак, как всегда, когда Генри принимает пациентов. Интересно, что весьма немногие это замечают. Он считает, это потому, что обычно у них мозги с самого начала затуманены. Большинство из них попросту невропаты. «Леса так и кишат ими», — когда-то сказал он Джоунси, когда они были вместе, леса, ха-ха! Во всяком случае, такова его оценка — совершенно ненаучная, конечно. Он глубоко убежден, что их проблемы создают нечто вроде поляризующего экрана между ними и остальным миром. По мере усиления невроза тьма внутри сгущается. В основном он испытывает к пациентам нечто вроде благожелательного, хотя и отстраненного сочувствия. Иногда жалость. И весьма немногие выводят его из себя. К последним принадлежит Барри Ньюмен.

Пациентам, перешагнувшим порог кабинета Генри, предоставляется выбор, который они таковым не считают. И даже не сознают этого. Заходя, они видят довольно уютную, хоть и полутемную комнату, с камином по левой стене, снабженным вечными дровами: четырьмя стальными трубками, раскрашенными под березу и маскирующими газовые горелки. Рядом, под превосходной репродукцией ваноговских «Подсолнухов», возвышается огромное мягкое кресло, в котором обычно восседает Генри. (Генри иногда говорит коллегам, что каждому психиатру следует иметь в кабинете по крайней мере одного Ван Гога.) В противоположном конце легкое креслице и диван. Генри всегда интересно, что именно выберет пациент. Правда, сам он слишком давно в деле, чтобы знать: выбранное впервые потом становится привычкой, и на последующих сеансах место останется неизменным. Он помнит, что на эту тему даже есть статья, только вот забыл чья. И в любом случае он обнаруживает, что со временем такие вещи, как газеты и журналы, съезды и семинары, интересуют его все меньше. Когда-то все было по-иному, но теперь ситуация изменилась. Он меньше спит, меньше ест и смеется гораздо меньше. Мрак просачивается и в его жизнь... тот самый поляризующий фильтр, и Генри сознает, что даже не противится этому. Меньше яркого света — спокойнее для глаз.

Барри Ньюмен с самого начала был диванным пациентом, но Генри ни разу не сделал ошибки, предположив, будто это имеет что-то общее с его психическим состоянием. Просто для Барри диван удобнее, хотя иногда Генри приходится протягивать ему руку, чтобы помочь встать, когда пятьдесят минут истекают. При росте пять футов семь дюймов Барри весит четыреста двадцать фунтов. Это и заставило его подружиться с диваном.

Сеансы с Барри Ньюменом обычно длятся долго, поскольку тот тщательнейшим образом перечисляет все подробности своих гастрономических походов. Это вовсе не означает, что Барри — гурман, о нет, совсем напротив, Барри пожирает все, что оказывается в орбите его досягаемости. В этом отношении Барри настоящая машина для перемалывания пищи. И его память, по крайней мере в этом отношении, донельзя идентична. Барри в гастрономии все равно что старый друг Генри Пит — в географии и ориентировании на местности.

Генри почти оставил попытки оттащить Барри от деревьев и заставить его прогуляться по лесу, частично из-за спокойного, но неуклонного желания пациента обсуждать все съеденное в мельчайших деталях, отчасти потому, что Барри ему не нравится и никогда не нравился. Родители Барри умерли, оставив очень большое наследство, положенное на трастовый фонд до тридцатилетия сына. Тогда он сможет его получить, при условии, что будет продолжать психотерапию. Если же нет, основная часть останется в трастовом фонде до его пятидесятилетия.

Генри сомневается, что Барри Ньюмен доживет до пятидесяти. Кровяное давление Барри (как он с гордостью объявил) — сто девяносто на сто сорок. Холестерин огромный. Настоящая золотая жила липопротеинов.

— Я ходячий инсульт, я ходячий инфаркт, — твердил он с ликующей торжественностью человека, способного высказать жесткую неумолимую истину, потому что в душе сознает, что подобный конец не для него, о нет, не для него.

— На ленч я съел два двойных бургера, — рассказывает он сейчас, — я люблю именно такие, потому что сыр в них еще горячий.

Его пухлый рот, странно маленький для человека подобных размеров, чем-то напоминающий рыбий, сжимается и подрагивает, словно пробуя этот

восхитительно горячий сыр.

— Запил молочным коктейлем, а на обратном пути прихватил парочку шоколадок. Потом подремал немного, а когда проснулся, сунул в микроволновку пакет замороженных вафель. Знаете, этих, хрустящих, «Легго-эгго».

Он смеется. Смех человека, охваченного приятными воспоминаниями о чудесном закате в горах, прикосновении к женской груди, прикрытой тонким шелком (не то чтобы Барри, по мнению Генри, когда-то испытывал нечто подобное), прогулке по теплому прибрежному песку.

— Большинство людей пекут их в тостере, — продолжает Барри, — но тогда они получаются чересчур подсушенными. А из микроволновки они выходят горячими и мягкими. Горячими... и мягкими. — Он жадно облизывает свои рыбки губы. — Правда, мне стало немного стыдно за то, что я съел весь пакет.

Он бросает это вскользь, небрежно, как бы в сторону, словно вспомнив о том, что и Генри нужно выполнять свою часть работы. Подобные штучки он проделывает по четыре-пять раз за сеанс, а потом... потом вновь возвращается к еде.

Он уже добрался до вечера вторника. Поскольку сейчас пятница, перечислению завтраков, обедов, ужинов и перекусов нет конца. Генри позволяет себе уйти в свои мысли. Барри его последний пациент на сегодня. Когда он завершит длинный список своих кулинарных подвигов, Генри вернется к себе и соберет вещи. Завтра вставать в шесть часов, а где-то между семью и восемью на подъездную аллею зарулит Джоунси. Они сунут свое барахлишко в старый «скаут» Генри, который тот держит исключительно для осенних охотничьих поездок, и к восьми тридцати они уже будут держать путь на север. По дороге завернут в Брайтон, подхватят Пита, а потом и Бива, по-прежнему живущего вблизи Дерри. К вечеру они доберутся до «Дыры в стене», охотничьего домика, того, что вверх по Джефферсон-тракт, будут играть в карты в гостиной и прислушиваться к вою ветра в дымоходах. Ружья составят в угол кухни, охотничьи лицензии повесят на крючке над задней дверью. Наконец он будет с друзьями, а это все равно что после долгих скитаний очутиться в родном доме. На целую неделю поляризующий фильтр станет чуть-чуть тоньше. Они потреплются

о прежних временах, посмеются над возмутительно-забавными непристойностями Бивера, а если кому-то и в самом деле удастся подстрелить оленя... что ж, дополнительное развлечение! Вместе они сильны, как никогда. Вместе они все еще способны победить время.

Где-то на заднем плане фоном звучит монотонный тенорок Барри Ньюмена. Свиные отбивные, пюре, жареная кукуруза, истекающая маслом, шоколадный торт «Пепперидж-фарм», и чашка с пепси-колой, в которой плавают четыре шарика мороженого «Бен и Джеррис Чанки Манки», и яйца: жареные яйца, вареные яйца, в мешочек, всмятку, глазунья, болтунья...

Генри кивает в нужных местах, почти не прислушиваясь. Старый трюк психиатров.

Господу известно: у Генри и его друзей полно своих проблем. Биверу ужасно не везет в семейной жизни, Пит пьет слишком много (куда больше, чем следовало бы, по мнению Генри), Джоунси и Карла едва не развелись, а Генри борется с депрессией, которая кажется ему настолько же притягательной, насколько неприятной. Так что да, действительно, у них полно проблем. Но им все еще хорошо вместе, они все еще могут облегчить друг другу путь, озарить дорогу, и к завтрашнему вечеру они будут вместе. Целых восемь дней. И это прекрасно.

— Я знаю, что не должен бы, но рано утром проснулся от непреодолимого влечения. Возможно, низкий сахар крови, да, скорее всего так и есть. Во всяком случае, я съел остаток фунтового торта, что лежал в холодильнике, а потом сел в машину и поехал в «Данкин Донатс», взял дюжину печеных яблок и четыре...

Генри, все еще думая о ежегодной охоте, начинающейся завтра, сам не сознает, что говорит, пока слова не срываются с губ. Что ж, не воробей, не поймашь...

— Может, постоянное желание есть как-то связано с тем, что вы считаете, будто убили свою мать. Как по-вашему, это возможно?

Барри внезапно смолкает. Генри поднимает голову и видит огромные, как блюдца, глаза пациента, впервые за все время появившиеся из складок жира. И хотя Генри понимает, что должен заткнуться — он не имеет права

проделывать вещи, не имеющие ничего общего с психотерапией, — почему-то его несет все дальше. Возможно, отчасти причиной этому размышления о старых друзьях, но в основном — внезапно побледневшая, потрясенная физиономия Барри. Больше всего Генри, кажется, задевает его полнейшее довольство собой и своим образом жизни. Его внутренняя убежденность в правильности своего самоубийственного поведения. Какая нужда его менять, не говоря уже о том, чтобы докапываться до истоков?

— Вы ведь действительно считаете, что убили ее, верно? — продолжал допытываться Генри, небрежно, почти беспечно.

— Я... я никогда... мне противна сама...

— Она звала и звала, кричала, что боль в груди становится нестерпимой, но ведь вы часто это слышали, не так ли? Чуть не каждую неделю? Да что там неделю, чуть не каждый день! Кричала сверху: «Барри, позвони доктору Уитерсу, Барри, вызови «скорую», Барри, набери 911...»

Они никогда не говорили о родителях Барри. Тот в своей мягкой, неумолимой, непробиваемо-жирной манере не допускал этого. Вроде бы начинает обсуждать их, и... бинго! — снова сворачивает на жареную баранину или цыпленка, а то и утку в апельсиновом соусе. Все тот же нескончаемый список. И поскольку Генри ничего не известно о родителях Барри, и уж конечно, о том дне, когда мать Барри умерла, упав с кровати и обмочив ковер, все еще вопя, вопя, сплошной вой трехсотфунтовой горы плоти, омерзительно тучной орущей плоти... фу, какая гнусь! Он не может ничего знать об этом, потому что никто ему не рассказывал, но все-таки знает. А Барри тогда был не таким толстым. Всего сто девяносто фунтов.

Линия. Снова она. Линия. Он не видел ее вот уже пять лет (разве что только во сне) и уже думал, что все кончено, но, похоже, ошибался. Она опять здесь.

— А вы в это время сидели у телевизора и слушали ее крики, — продолжает он. — Смотрели Рики Лейна и ели... что именно? Сырный торт Сары Ли? Мороженое? Не знаю. Но вы не обращали внимания. Пусть себе орет.

— Замолчите!

— Позволили ей вопить сколько душе угодно, и в самом деле, почему бы нет? Она проделывала это всю жизнь! Вы не глупы и понимаете, что это чистая правда. Такое бывает. Думаю, вам и это ясно. Вот и обрекли себя на роль героя в этакой маленькой пьеске Теннесси Уильямса, просто потому что любите поест. Но знаете что, Барри? Рано или поздно эта страсть вас убьет. В глубине души вы этому не верите, но это чистая правда. Ваше сердце уже трепыхается в груди, как заживо похороненный, бьющий кулаками в крышку гроба. Интересно, каково будет таскать на себе еще фунтов восемьдесят — сто?

— Затк...

— Когда вы упадете, Барри, эффект будет, как от рухнувшей Вавилонской башни. Люди, ставшие этому свидетелями, будут толковать о случившемся еще долгие годы. Да вся посуда с полок падает...

— Замолчите!

Барри стремительно садится. На этот раз он не нуждается в помощи Генри. И он смертельно бледен, если не считать двух ярких розочек, расцветших на щеках.

— ...даже кофе из их чашек расплещется, а вы обмочитесь, совсем как она когда-то...

— ПРЕКРАТИТЕ! — визжит Барри. — ПРЕКРАТИТЕ, ВЫ, ЧУДОВИЩЕ!

Но Генри уже завелся. Он не может остановиться. Он видит линию, а когда ее видишь, нельзя притвориться, будто она не существует.

— ...если вовремя не очнетесь от того ядовитого сна, в котором пребываете...

Только Барри ничего не хочет слушать, абсолютно ничего. Он выбегает из комнаты, трясая необъятными ягодицами, и исчезает за дверью.

А Генри сидит, не двигаясь, прислушиваясь к топоту целого стада бизонов в облике всего одного человека. Барри Ньюмена. Вторая комната пуста: у него нет секретаря, и с бегством Барри трудовая неделя окончена. Что ж, все к лучшему. Ну и влип же он!

Генри подходит к дивану и ложится.

— Доктор, — говорит он, — я опарафинился по полной программе.

— Как это случилось, Генри?

— Сказал пациенту правду.

— Но разве истина не делает нас свободными, Генри?

— Нет, — отвечает он себе, глядя в потолок. — Ни в малейшей степени.

— Закрой глаза, Генри.

— Хорошо, доктор.

Он закрывает глаза. Комнату вытесняет мрак, и это хорошо. Тьма стала его подружкой. Завтра он встретится с остальными друзьями (по крайней мере с тремя), и свет вновь покажется добрым. Но сейчас... сейчас...

— Доктор?

— Да, Генри?

— Это типичный случай, именуемый «день другой, дерьмо все то же». Вам это известно?

— Что это значит, Генри? Что это значит для тебя?

— Все, — шепчет он, не открывая глаз, и тут же добавляет: — Ничего.

Но это вранье. И далеко не первое, сказанное им здесь.

Назавтра все четверо едут в «Дыру в стене», а впереди потрясные восемь дней. Великим охотничьим экспедициям грядет конец, хотя никто, разумеется, об этом не подозревает. До наступления настоящей тьмы еще несколько лет, но она близится.

Тьма близится.

2001: Джоунси. Беседа преподавателя со студентом

Нам не дано знать, каким дням и событиям суждено изменить нашу жизнь. Может, это к лучшему. В день, который необратимо изменит его собственную, Джоунси сидит в своем кабинете на третьем этаже «Джон Джей колледж», глядя в окно на крохотный ломтик Бостона и думая о том, как не прав был Т. С. Эллиот, назвав апрель самым беспощадным месяцем, и всего лишь потому, что предположительно в апреле бродяга-плотник из Назарета угодил на крест за подстрекательство к мятежу. Всякий житель Бостона знает, что самый жестокий месяц — март, коварно дарящий несколько мгновений ложной надежды, чтобы потом подло швырнуть в лицо пригоршню дерьма. Сегодня один из таких, не внушающих доверия дней, когда кажется, что весна и впрямь посетила их суровый город, и Джоунси даже подумывает пройтись немного, когда разберется с одной неприятностью... вернее, пакостью. Конечно, в эту секунду он не представляет, чем обернется сегодняшняя погода, и понятия не имеет, что к вечеру окажется в больничной палате, искалеченный, окровавленный и отчаянно сражающийся за собственную проклятую жизнь.

День другой, дерьмо все то же, думает он, но на поверку дерьмо тоже оказывается другим.

Но тут звонит телефон, и он хватается трубку, исполненный робкого радостного предчувствия: это наверняка мальчишка Дефаньяк, попросит отменить одиннадцатичасовую встречу.

Должно быть, чует кошка, чье мясо съела, думает Джоунси. Что ж, вполне возможно. Обычно это студенты добиваются встречи с преподавателем. Когда же парню сообщается, что преподаватель хочет видеть его... не нужно быть ясновидящим, чтобы понять, куда ветер дует.

— Алло, Джоунс у телефона, — бросает он в трубку.

— Привет, Джоунси, как жизнь?

Он узнал бы этот голос где угодно.

— Генри! Эй, Генри! Прекрасна, жизнь прекрасна!

По правде говоря, это не совсем так, вернее, далеко не так, особенно при мысли о скором появлении Дефаньяка, но все относительно, не так ли? По сравнению с тем, где он окажется через двенадцать часов, пришпиленный к попискивающим, гудящим, позвякивающим аппаратам: одна операция позади и три еще ждут... Джоунси сильно приукрашивает действительность, или, попросту говоря, бздит сквозь шелк. Высокопарно выражаясь, делает хорошую мину при плохой игре.

— Рад это слышать.

Должно быть, он расслышал невеселые нотки в голосе Генри, но скорее всего просто чувствует подобные вещи.

— Генри? Что стряслось?

Молчание. Джоунси хочет было снова спросить, но Генри все же отвечает:

— Мой пациент умер вчера. Я увидел заметку в газете. Барри Ньюмен его звали.

И после небольшой паузы добавляет:

— Он был диванным пациентом.

Джоунси не совсем ясно, что это такое, но старому другу плохо. Он это знает.

— Самоубийство?

— Сердечный приступ. В двадцать девять лет. Вырыл собственную могилу ложкой и вилок.

— Жаль.

— Последние три года он не был моим пациентом. Я отпугнул его. Случилась... одна из этих штук. Понимаешь, о чем я?

Джоунси кивает, забыв, что Генри его не видит.

— Линия?

Генри вздыхает, но Джоунси не слышит в его вздохе особого сожаления.

— Да. И я вроде как выплеснул все на него. Он смылся так, словно задницу припекло.

— Это еще не делает тебя виновником его инфаркта.

— Может, ты и прав. Но почему-то мне так не кажется.

Снова пауза. И потом, уже веселее:

— Разве это не строчка из песни Джима Кроче? А ты? Ты в порядке, Джоунси?

— Я? Угу. А почему ты спрашиваешь?

— Не знаю, — говорит Генри. — Только... Я думаю о тебе с той самой минуты, как развернул газету и увидел фото Барри на странице некрологов. Пожалуйста, будь осторожнее.

Джоунси вдруг ощущает легкий холодок, пронизавший до самых костей (многим из которых грозят скорые множественные переломы).

— Да о чем это ты?

— Не знаю, — повторяет Генри. — Может, просто так. Но...

— Неужели опять эта линия? — тревожится Джоунси и, машинально развернувшись в кресле, смотрит в окно, на переменчивое весеннее солнышко. И тут на ум приходит, что парнишка, Дефаньяк, вероятно, съехал с катушек и прихватил оружие (коварный замысел, как говорится в детективах и триллерах, которые Джоунси любит почитать в свободное время), и Генри каким-то образом это просек.

— Не знаю. Вполне возможно, просто опосредованная реакция на смерть Барри. Видеть его фото на странице некрологов... Но все же поостерегись

немного, договорились?

— Ну... конечно, я вполне могу...

— Вот и хорошо.

— У тебя точно все нормально?

— Лучше некуда.

Но Джоунси так не думает. Он уже хочет сказать что-то, когда слышит за спиной робкий кашель и понимает, что Дефаньяк скорее всего уже здесь.

— Вот и хорошо, — вторит он, поворачиваясь к столу.

Да, в дверях переминается его одиннадцатичасовой посетитель, на вид совсем не опасный: обычный мальчишка, закутанный в старое мешковатое пальто с капюшоном и деревянными пуговицами, не по погоде теплое, тощий и невзрачный, с панковской прической, неровными пиками торчащей над встревоженными глазищами.

— Генри, у меня срочный разговор. Я перезвоню...

— Да нет, не стоит. Честно.

— Уверен?

— Да. Но только... тут еще одно дельце. Тридцать секунд есть?

— Естественно, как же не быть?

Он поднимает палец, и Дефаньяк послушно кивает. Однако продолжает стоять, пока Джоунси не показывает на единственный, не заваленный книгами свободный стул. Дефаньяк нерешительно направляется к нему.

— Выкладывай, — говорит Джоунси в трубку.

— Думаю, надо бы смотаться в Дерри. По-быстрому, только я и ты. Навестить старого друга.

— То есть?

Но он не хочет в присутствии постороннего произносить это имя, совсем детское, чуточку смешное имя. Да и ни к чему: Генри делает это за него. Когда-то они были квартетом, потом, ненадолго, стали квинтетом, а потом снова квартетом. Но пятый, собственно говоря, так и не покинул их. Генри называет это имя, имя мальчика, каким-то чудом так и оставшегося мальчиком. Тревоги Генри о нем более понятны, отчетливее выражены. Он объясняет Джоунси, что ничего в точности не известно, просто так, предчувствие, что старый приятель, вполне возможно, нуждается в посещении.

— Говорил с его матерью? — спрашивает Джоунси.

— Думаю, — отвечает Генри, — будет лучше, если мы просто... ну, словом, свалимся как снег на голову. Как насчет твоих планов на этот уик-энд? Или следующий?

Джоунси ни к чему сверяться с ежедневником. Уик-энд начинается послезавтра. Правда, в субботу нужно быть на факультетской вечеринке, но от этого можно легко отделаться.

— Вполне свободен, оба дня, — говорит он. — Ничего, если заеду в субботу? К десяти?

— В самый раз, — облегченно вздыхает Генри, теперь уже больше похожий на себя.

Джоунси чуть расслабляется.

— Ты точно успеешь?

— Если считаешь, что следует повидать... — Джоунси колеблется, — ... Дугласа, тогда, вероятно, так и сделаем. Уж очень давно это было.

— Твое собеседование... он уже у тебя?

— Угу.

— Ладно. Жду в десять в субботу. Эй, может, стоит взять «скаут»? Дадим ему размяться. Как тебе?

— Здорово!

Генри смеется.

— Карла по-прежнему дает тебе завтрак с собой?

— Так и есть.

Джоунси невольно бросает взгляд на портфель.

— Что там у тебя сегодня? Сандвич с тунцом?

— Яичный салат.

— М-м-м... Ладно, я пошел. ДДДТ, так?

— ДДДТ, — соглашается Джоунси. Он не может назвать старого друга по имени в присутствии студента, но ДДДТ ни о чем тому не говорит. — Поговорим в...

— И береги себя. Я не шучу, — подчеркивает Генри, многозначительно и чуть зловеще. И снова легкий холодок бежит по спине. Но прежде чем Джоунси успевает ответить (а что он может сказать при Дефаньяке, смиренно сидящем в углу), Генри отключается.

Несколько мгновений Джоунси задумчиво смотрит на телефон, кладет трубку, перелистывает страницы ежедневника, густо вычеркивает субботнюю запись: «Попойка в доме декана Джейкобсона» и вписывает: «отпроситься: поездка с Генри в Дерри, повидаться с Д.» Но и это обещание он не сдержит. К субботе Дерри и старые друзья надолго испарятся из его мыслей.

Джоунси набирает в грудь воздуха и переносит внимание на своего взрывоопасного посетителя. Парень нервно ерзает на стуле, очевидно, прекрасно понимая, почему вызван сюда.

— Итак, мистер Дефаньяк, — начинает Джоунси, — согласно документам, вы из Мэна.

— Э-э... да. Питтсфилд. Я...

— В документах сказано также, что вы получаете стипендию, и при этом неплохо учитесь.

Парень, похоже, не просто волнуется. Парень, похоже, вот-вот разревется. Господи, как же это трудно! До сегодняшнего дня Джоунси ни разу не приходилось обвинять студента в обмане, но, похоже, все еще впереди. Потому что это ужасно трудно... то, что Бивер назвал бы сранью.

— Мистер Дефаньяк... Дэвид... знаете, куда деваются стипендии, когда их обладателя ловят на шпаргалках? Да еще на семестровом экзамене?

Парень дергается так, словно спрятанный под сиденьем недоброжелатель только сейчас воткнул оголенный электропровод с низковольтным зарядом в его тощую ягодицу. Губы трясутся, и первая слеза... О Господи, первая слеза ползет по небритой щеке.

— Могу в точности вам объяснить, — продолжает Джоунси. — Такие стипендии испаряются. Вот что с ними происходит. Пуф — и шарик лопается.

— Я... я...

На столе Джоунси лежит папка. Он открывает ее и вытаскивает программу билетов Европейской истории за первый семестр: один из тех чудовищных вопросников-«угадаек», на которых в своей безграничной мудрости настаивает департамент образования. Сверху черным росчерком айбиэмовского карандаша (старайтесь, чтобы пометки были четкими и ясными, а если необходимо стереть, стирайте как можно тщательнее) написано имя:

ДЭВИД ДЕФАНЫЯК.

— Я прочел вашу курсовую, Дэвид, пробежал вашу статью о средневековом французском феодализме и даже пролистал ваши характеристики. Вы, разумеется, не гений, но успевали не хуже других. Кроме того, я в курсе, что вы просто выполняете обязательную программу, ведь ваши истинные интересы не лежат в моей области знаний, верно?

Дефаньяк молча кивает. Слезы неярко поблескивают в ненадежных мартовских лучах. В уголке стола валяется пачка бумажных салфеток, и

Джоунси швыряет ее мальчику, который, даже в расстроенных чувствах, легко ее ловит. Хорошие рефлексy. Когда тебе девятнадцать, вся твоя «проводка» надежна и туга, все связки крепки и гибки.

Подождите несколько лет, мистер Дефаньяк, думает он. Мне всего тридцать семь, а кое-какие провода уже повисли.

— Возможно, вы заслуживаете еще одного шанса, — произносит Джоунси и медленно, словно напоказ, начинает скручивать подозрительно безупречную работу Дефаньяка, высший балл, ни больше ни меньше, в толстый жгут. — Может, вам стало нехорошо в день экзамена и вы вообще не пришли...

— Я был болен, — с готовностью подхватывает Дэвид Дефаньяк. — Похоже, едва не свалился с гриппом.

— В таком случае я готов дать вам на дом эссе, вместо того теста, который сдавали ваши однокурсники. Если хотите, конечно. Чтобы восполнить пропущенный экзамен. Ну как, согласны?

— Да, — шмыгает носом парень, яростно растирая глаза охапкой салфеток.

Что ж, по крайней мере не стал нести все это лживое дерьмо насчет того, что Джоунси все равно ничего не докажет, что он обратится в Совет по делам студентов, что подаст протест, и прочее в том же духе.

Вместо этого он плачет, что неприятно наблюдать, но, возможно, хороший знак: девятнадцать — это так мало, но большинство уже успевает потерять остатки совести к тому времени, как попадают сюда. Дефаньяк же все равно что сознался, а значит, у него еще есть шансы стать человеком.

— Да, это было бы здорово.

— И вы понимаете, что если что-то подобное случится снова...

— Никогда, — быстро отвечает парень. — Никогда, профессор Джоунс.

И хотя Джоунс всего лишь адъюнкт-профессор, ему не приходит в голову поправить парня. В любом случае когда-нибудь он станет профессором Джоунсом, без этого дело швах. Полон дом детишек, и если в будущем не

предвидится нескольких значительных прибавок в бюджете, сводить концы с концами будет все труднее.

— Надеюсь, — произносит он вслух. — Напишите эссе на три тысячи слов о последствиях завоевания норманнами Англии договорились? Ссылки на источники, но никакой дополнительной информации. Изложение свободное, но выводы должны быть достаточно убедительными. Срок — следующий понедельник. Понятно?

— Да. Да, сэр.

— В таком случае можете идти и приступать к делу. — Он показывает на изношенные до дыр кроссовки Дефаньяка: — И в следующий раз, когда вздумаете попить пивка, купите лучше новые тапочки. Не хочу, чтобы вы снова подхватили грипп.

Дефаньяк шагает к двери и оборачивается. Ему не терпится поскорее смыться, пока мистер Джоунс не передумал, но, с другой стороны, ему всего девятнадцать... О, это любопытство юности!

— Откуда вы узнали? Вас в тот день там даже не было. Экзамен принимал какой-то аспирант.

— Знаю, и этого достаточно, — отрезает Джоунс. — Топай, сынок. И напиши хорошую работу. Потерять стипендию для тебя — смерти подобно. Я сам из Мэна: Дерри, и знаю Питтсфилд. От этого места лучше держаться подальше.

— Уж это точно, — с чувством произносит Дефаньяк. — Спасибо. Спасибо за то, что дали мне еще шанс.

— Закрой за собой дверь.

Дефаньяк, который потратит последние деньги не на кроссовки, не на пиво, а на букет в палату Джоунси с пожеланием скорейшего выздоровления, выскальзывает в коридор, послушно прикрыв за собой дверь. Джоунси поворачивается к окну. Солнце по-прежнему изменчивое, неверное, но влекущее. И потому, что история с Дефаньяком кончилась куда благополучнее, чем он ожидал, Джоунси решает прогуляться, прежде чем мартовские облака, а может, и сложный заряд, омрачат этот день. Он хотел

поест в кабинете, но сейчас в голове возник новый план. Худший в его жизни, но Джоунси, конечно, этого не знает. И поэтому решает захватить с собой портфель, сегодняшний выпуск «Бостон феникс», и перебраться через реку в Кембридж^[4]. Сядет на скамеечку и спокойно съест сандвич с яичным салатом, жмурясь на солнышке.

Он поднимается, чтобы положить документы Дефаньяка в картотечный шкаф, под табличкой «D — F». «Откуда вы знаете?» — спросил мальчик. Что ж, хороший вопрос. Превосходный, можно сказать. А ответ прост. Он знает, потому что... иногда знает. Вот она, правда, а другой нет и быть не может. Правда, если бы кто-то приставил пистолет к его виску, он признался бы, что обнаружил это во время первой лекции второго семестра и что в мозгу Дэвида Дефаньяка взрывались огромные красные буквы, словно мигающая неоновая вывеска, обдававшая стыдом, назойливо долбившая в виски: шпаргалочник, шпаргалочник, шпаргалочник...

Но, Господи, все это чушь: не может он читать мысли. И никогда не мог. Никогда-в-жизни, никогда-в-жизни, никогда-в-жизни... не мог и не сможет. Иногда что-то вспыхивает в голове, да, именно так он узнал о проблемах жены с таблетками, вероятно, срабатывает интуиция, как с Генри. Он сразу заподозрил что-то неладное, когда тот позвонил (да нет же, олух, просто догадался по голосу, только и всего), но такие вещи в последнее время почти не случаются. Да и не происходило ничего по-настоящему странного после той истории с Джози Ринкенхауэр. Может, когда-то и было что-то, тянувшееся за ними хвостом все детство и юность, но теперь все позади. Или почти.

Почти.

Он обводит кружком слова «поездка в Дерри», хватая портфель, и тут новая мысль осеняет его, внезапная и бессмысленная, но мощная и всеобъемлющая:

Берегись мистера Грея.

Джоунс, уже схватившийся за ручку двери, замирает. Это его голос, вне всяких сомнений.

— Что? — вопрошает он пустоту.

Ничего.

Джоунси выходит из кабинета, захлопывает дверь и проверяет, заперто ли. В уголке доски для объявлений белеет листочек. Джоунси откалывает его, переворачивает напечатанной стороной вверх. Всего одна строчка: «Вернусь в час». Он спокойно прикалывает записку, не ведая, что пройдет почти два месяца, прежде чем он вновь войдет в эту комнату и увидит ежедневник, раскрытый на дне Святого Патрика[5].

«Береги себя», — сказал Генри, но Джоунси думает не о том, чтобы поберечь себя. О мартовском солнышке. О том, как бы поскорее съесть сандвич. О том, как приятно поглазеть на девушек в Кембридже: юбки слишком коротки, а мартовский ветер игрив и большой шутник. Словом, о многих заманчивых вещах, в список которых не входит необходимость беречься мистера Грея. И беречься вообще.

И в этом его ошибка. Вот так может перемениться жизнь, навсегда и бесповоротно.

ЧАСТЬ 1. РАК

Я сознаю, что только эта дрожь меня приводит в чувство.

Понимаю: ушедшее уходит навсегда, и так же вечно
остается рядом.

Я просыпаюсь, чтобы вновь заснуть; я не спешу мир встретить
бодрым взглядом.

И лишь пустившись в путь, возможно, я пойму, куда же, наконец,
идти мне надо.

Теодор Ротке[\[6\]](#)

Глава 1. МАККАРТИ

1

Джоунси чуть не подстрелил мужика, едва тот показался из зарослей. Почти? Насколько близко? Одно нажатие на спуск охотничьего ружья... даже не нажатие, так, движение пальца. Позже, взбудораженный ясностью, иногда снисходящей на опьяненный ужасом разум, он пожалел, что не выстрелил прежде, чем заметил оранжевую шапку и пронзительно оранжевый демаскирующий жилет. Убийство Ричарда Маккарти не было бы злом, оно могло бы помочь... Убийство Ричарда Маккарти могло бы спасти их всех.

Пит и Генри отправились в «Страну товаров Госслина», ближайший продуктовый магазин, набрать хлеба, консервов и пива: товары первой необходимости. Правда, на два последующих дня запасов у них хватало, но по радио передали, что ожидается снег. Генри уже успел добыть оленя, довольно приличную ланочку, а Джоунси казалось, что Пита куда больше волнует пополнение пивных погребов, чем собственные охотничьи трофеи: для Пита Мура охота была всего лишь хобби, а вот пиво — религией. Бивер где-то сидел в засаде, но Джоунси не слышал треска выстрелов в радиусе ближайших пяти миль, поэтому и предположил, что Бив, как и сам он, предпочитает выждать.

Ярдах в семидесяти от лагеря, в ветвях старого клена был устроен настил, и именно там сидел Джоунси, попивая кофе и читая детектив Роберта Паркера, когда в чаще послышался шум шагов. Джоунси отставил термос и закрыл книгу. В былые годы он от волнения непременно пролил бы кофе, но на этот раз даже потратил пару секунд на то, чтобы покрепче завинтить ярко-красный колпачок термоса.

Их четверка неизменно охотилась здесь на первой неделе ноября, вот уже почти двадцать пять лет, если считать с того времени, когда отец Бива стал брать их с собой. До сих пор Джоунси никогда не возился с настилами, впрочем, как и остальные трое. Считали это слишком большой обузой и не хотели возиться. Но в этом году он взялся за топор. Остальные считали, что знают причину, хотя на деле это было не совсем так.

В середине марта 2001 года Джоунси, переходя улицу в Кембридже, был сбит автомобилем недалеко от «Джон Джей колледжа», в котором преподавал. При аварии ему повредило череп, сломало два ребра и раздробило тазобедренную кость, которую пришлось заменить некоей новомодной комбинацией тефлона и металла. Человек, сбивший его, оказался удалившимся на покой профессором Бостонского университета, находившимся, по утверждению адвоката, в ранней стадии болезни Альцгеймера и достойным не наказания, а сожаления и участия.

Как часто, думал Джоунси, оказывается, что некого винить, едва уляжется пыль и обстоятельства станут ясны. А если и есть виновные, кому от этого

легче? Приходится собирать осколки прежней жизни и продолжать тянуть лямку, а заодно утешать себя тем фактом, что, как твердили люди (пока благополучно не позабыли обо всем), могло быть куда хуже.

И это чистая правда. Могло быть куда как хуже! Его голова работала, как прежде. Правда, последние час-полтора перед самым несчастным случаем выпали из памяти, но в остальном мозги варили вполне удовлетворительно. Тяжелее всего пришлось с бедром, но к октябрю он уже смог бросить костыли, и теперь хромота становилась заметной только к концу дня.

Пит, Генри и Бив были уверены, что только из-за бедра он предпочел настил влажной и сырой земле, и, разумеется, были правы. Но только отчасти. Джоунси старательно скрывал, что почти потерял интерес к охоте на оленей. Друзья расстроились бы. Черт, да его и самого это выводило из себя. Но ничего не поделаешь. Некоторая перемена вкусов и пристрастий, о которой он даже не подозревал, пока не расчехлил свой винчестер. Нет, сама идея убийства животных не вызывала в нем отвращения, совсем нет, вот только делал он это без прежнего энтузиазма. В тот солнечный мартовский день смерть прошла совсем близко. Коснулась своим саваном, и Джоунси не имел ни малейшего желания снова звать ее, даже если при этом он был не жертвой, а посланцем смерти.

3

Что удивительно, он до сих пор любил походную жизнь, и в каком-то отношении даже больше, чем раньше. Долгие ночные беседы: книги, политика, все, что пришлось перетерпеть в детстве, планы на будущее. Им еще не было сорока: вполне можно строить планы, много планов, а старая дружба по-прежнему не ржавела.

Да и дни были неплохи: долгие часы на настиле, когда он оставался один. Он приносил спальный мешок и залезал туда до пояса, когда замерзал, с книжкой и плеером. Правда, после первого же раза он перестал брать плеер, обнаружив, что музыка леса нравится ему куда больше: нежное пение ветра в соснах, шорох ветвей, вороний гай. Немного почитать, выпить кофе, снова немного почитать, иногда вылезти из мешка, красного, как стоп-сигнал, и помочиться прямо с края настила. Он был человеком, обремененным большой семьей и широким кругом коллег. Человеком общительным, можно сказать, стадным, наслаждавшимся всеми видами и вариантами отношений, от семейных до приятельских (не забыть о студентах, бесконечном потоке студентов), и чувствующим себя в этой сложной иерархии как рыба в воде.

Но только здесь, наверху, он понял, что притяжение молчания все еще существует. Все еще влечет. И чувствовал себя так, словно после долгой разлуки повстречался со старым другом.

— Тебе в самом деле хочется там торчать? — спросил Генри вчера утром. — Если хочешь, пойдем со мной. Постараемся не перетрудить твою ногу.

— Оставь его в покое, — вмешался Пит. — Ему там нравится. Верно, Джоунс-бой?

— Что-то вроде, — сказал он, не желая говорить ничего более — например, насколько ему действительно это нравится.

Некоторыми вещами просто не хочется делиться даже с ближайшими друзьями. Впрочем, иногда ближайшие друзья и без слов все понимают.

— Вот что я скажу... — Бив поднял карандаш и принялся грызть: знакомая, милая привычка, еще с первого класса. — Здорово, когда возвращаешься и видишь тебя там. Совсем как вперёдсмотрящий в «вороньем гнезде», на рисунках в гребаных книжках про пиратов. Следи в оба, и тому подобное.

— «Вижу землю», — подхватил Джоунси, и все рассмеялись, но только он понимал, что имел в виду Бив. Он это чувствовал.

Следи в оба. Просто размышляй о своем и следи в оба за встречными кораблями, акулами, за всем, что попадется на пути.

Бедро опять разболелось, рюкзак с барахлом оттягивает спину, и он неуклюже и тяжело спускается по деревянным планкам, приколоченным к стволу дерева, но стоит ли обращать внимание. Главное, все в порядке. Времена меняются, но только дурак уверен, что они меняются исключительно к худшему.

Так он считал тогда.

Услышав шелест отодвинутой ветки и тихий треск сломанного сучка — верные знаки появления оленя, Джоунси вспомнил, как отец, бывало, говаривал: «Удачи за деньги не купишь: сама приходит». Линдси Джоунс, прирожденный неудачник, иногда высказывался в самую точку, и некоторые изречения до сих пор хранились в памяти. И вот доказательство его правоты: после того как Джоунси твердо решил, что покончил с охотой, сюда ломится добыча, и какая солидная, судя по звукам! Самец, да еще наверняка матерый, может, с человека ростом.

Ему в голову не могло прийти, что это в самом деле может оказаться человек. В этой-то глуши, за пятьдесят миль к северу от Рэнгли? До ближайшего охотничьего лагеря не меньше двух часов ходьбы. Даже единственная мощеная тропа, ведущая в магазин Госслина (НЕ ПИВО — А ДИВО! ЕЩЕ ЗАХОЧЕШЬ — К НАМ СНОВА ЗАСКОЧИШЬ), проходила милях в шестнадцать.

Что ж, подумал он, о конце концов, обета я не давал.

Нет, разумеется, не давал. В следующем ноябре он, вероятнее всего, придет не с ружьем, а с фотокамерой, но до следующего ноября еще далеко, и ружье вот оно, под рукой.

Джоунси стащил с себя спальник, слегка морщась от боли в затекших связках бедра, и схватил верного «гаранда». Совсем ни к чему заряжать его в последнюю минуту, с таким громким, отпугивающим оленей щелчком: привычка — вторая натура, и стоит оттянуть предохранитель, как ружье готово к бою. Это он проделал, только оказавшись на ногах. Прежнее неистовое возбуждение куда-то девалось, но что-то бывшее зашевелилось в душе: пульс участился, и Джоунси это щекотало нервы. После несчастного случая он радовался подобным реакциям: словно каким-то образом раздвоился на того, кто беспечно ходил по улицам, не зная, что ждет впереди, и настороженного, преждевременно постаревшего типа, очнувшегося в Массачусетской больнице... если это медленное, полунаркотическое влывание в реальность можно назвать возвращением сознания. Иногда он снова слышал голос, чей — непонятно, но только не свой, умоляющий: **пожалуйста, прекратите, мне этого больше не**

вынести, сделайте укол... где Марси... мне нужна Марси... Ему казалось, что это голос смерти — смерти, упустившей его на мостовой, а затем явившейся в больницу, чтобы довершить начатое. Смерти в облике мужчины (а может, и женщины, трудно сказать), мужчины, терзавшегося болью, кого-то, кто звал Марси, но имел в виду Джоунси.

Но все это прошло. Он выжил в схватке со смертью, и этим утром никому, кроме оленя, разумеется, не предстояло умереть (хоть бы это был самец, которого угораздило оказаться не в то время и не в том месте).

Шорох ветвей и треск валежника доносились с юго-запада, так что Джоунси находился с наветренной стороны. Еще того лучше. Почти все листья с клена облетели, и ничто не загораживало возможную добычу. Видимость превосходная. Джоунси поднял ружье, получше приладил приклад к плечу и приготовился к новому триумфу.

Спасло Маккарти, пусть и временно, некоторое разочарование Джоунси в прелестях охоты. А вот едва не прикончило — явление, которое Джордж Килрой, друг отца Джоунси, называл «глазной горячкой». «Глазная горячка, — утверждал Килрой, — такая форма охотничьей лихорадки, и, вероятно, вторая основная причина всех драм на охоте». «Первая — пьянство, — говаривал Джордж Килрой, подобно отцу Джоунси кое-что знавший о подобных вещах. — Первая — пьянство».

Килрой считал, что жертвы глазной горячки, очнувшись, бывали потрясены, узнав, что всадили пулю в изгородь, проезжавшую машину, амбар или собственного спутника (зачастую этим партнером бывали один из супругов, родственники или даже дети). «Но я видел дичь», — возражают они, и большинство из них, по словам Килроя, вполне способны пройти тест на детекторе лжи, поскольку в самом деле видели оленя, медведя, волка или хотя бы тетерева, пробиравшегося сквозь высокую осеннюю траву. Видели собственными глазами.

Килрой уверен, что все эти охотники охвачены нетерпением поскорее сделать первый выстрел, перейти рубеж и наконец покончить с трясучкой предвкушения и снять напряжение. Волнение настолько сильно, что мозг передает сигнал главному нерву, и человек действительно видит то, что хочет увидеть. Это и есть глазная горячка. И хотя Джоунси оставался довольно спокойным, по крайней мере пальцы не дрожали, когда он

завинчивал колпачок термоса, все же позже он признавался себе, что вполне мог поддаться болезни.

На какое-то мгновение он ясно увидел гордого рогача в конце тоннеля из переплетенных веток, так ясно, как предыдущих шестнадцать оленей (шесть самцов, десять самок), доставленных за эти годы в «Дыру в стене». Вот она, коричневая голова, темные, как бархат, устилающий ювелирную коробочку, глаза, даже рога.

Стреляй же! — взорвалось что-то внутри, должно быть, Джоунси до несчастного случая, цельный и счастливый Джоунси. За последний месяц он все чаще поднимал голову, словно начиная приближаться к тому загадочному состоянию, которое люди, в жизни не побывавшие под колесами автомобиля, называют «полным выздоровлением», но никогда еще не кричал так громко, как сейчас. Настоящий приказ, почти вопль.

Его палец в самом деле застыл на курке. И хотя он так и не сделал последнего легкого усилия, палец действительно напрягся. Его остановил голос. Голос второго Джоунси, того, кто пришел в себя в Массачусетской больнице, накачанный наркотиками, изнемогающий от боли, не уверенный ни в чем, кроме того, что кто-то просил кого-то остановиться. Кто-то, у кого не было сил терпеть, если немедленно не сделают укола. Кто-то, требовавший Марси.

Постой, погоди, еще рано, предупредил новый, осмотрительный Джоунси, и именно его голоса он послушался. Застыл на месте, перенес вес на левую, здоровую ногу: ружье поднято, дуло нацелено в тоннель из перепутанных веток, под идеальным углом в тридцать пять градусов.

Первые снежинки скатились вниз с побелевшего неба именно в этот момент, и Джоунси вдруг заметил яркую оранжевую вертикаль чуть пониже оленьей головы, словно снег каким-то образом ее высветил. На этот раз подвела способность к восприятию, и теперь над дулом ружья возникло размытое пятно, беспорядочный вихрь красок, небрежно смешанных на палитре художника. Все вмиг исчезло: ни оленя, ни человека, ни даже деревьев, лишь неряшливая каша коричневого, черного и оранжевого.

Постепенно оранжевого становилось больше, и оно медленно обретало знакомую форму: кепка с клапанами, которые можно отогнуть, если уши

замерзли. Приезжие покупали их в магазинах Л. Л. Бина[7] за сорок пять долларов, одинаковые, чуточку смешные, с неизменной маленькой этикеткой внутри: С ГОРДОСТЬЮ ПРОИЗВЕДЕНО В США, «ЮНИОН ЛЕЙБОР»[8].

Впрочем, почти такие же продавались в «Госслине» всего за семь баксов. Просто их этикетка гласила: СДЕЛАНО В БАНГЛАДЕШ. Кепка все расставила на свои, о Господи, места. Светла галлюцинации в ужасающе резкий фокус: то, коричневое, что он принимал за голову оленя, оказалось шерстяной курткой, черный бархат из ювелирной коробочки — пуговицей, а рога — просто чуть выше растущими ветками, ветками того дерева, на котором он стоял.

Не слишком умно со стороны незнакомца (Джоунси не мог заставить себя произнести слово «безумие») носить в лесу коричневую куртку, но все же Джоунси никак не мог взять в толк, как его угораздило едва не совершить роковую ошибку. Ведь на мужчине была такая же оранжевая кепка, верно? И яркий оранжевый жилет, поверх крайне непрактичной коричневой куртки. Мужчина был...

...был на волосок от смерти. А может, и ближе.

И тут его как громом поразило. Ужас случившегося дошел до него в полной мере, ошеломив и будто отделив душу от тела, как при клинической смерти. В мозгу словно ударила молния, и на крохотное страшное мгновение, навсегда запечатлевшееся в памяти, он больше не был ни Джоунси Номер Один, уверенным, спокойным добольничным Джоунси, ни Джоунси Номер Два, куда более нерешительной жертвой несчастного случая, проводшим столько времени в состоянии физического дискомфорта и умственной неразберихи. В это самое мгновение он превратился в Джоунси, Номер Три, невидимое присутствие, взирающее на охотника, стоящее на деревянном настиле. Волосы охотника коротко подстрижены и поблескивают сединой, вокруг губ — глубокие морщины, осунувшееся лицо — в точечках щетины. Охотник вот-вот спустит курок. Снежинки танцуют вокруг его головы, садятся на не заправленную в брюки коричневую фланелевую рубашку, и он уже готов выстрелить в мужчину в оранжевой кепке и точно таком же жилете, которые надел бы он сам, если бы решил отправиться вместе с Бивером, вместо того чтобы лезть на дерево.

Он вломился в свое тело с глухим стуком, похожим на тот, с каким падаешь на сиденье, когда автомобиль подпрыгивает на выбоине. И, к своему ужасу, сообразил, что по-прежнему отслеживает движения незнакомца дулом ружья, словно некий упертый аллигатор, засевший в мозгу, отказывается расстаться с мыслью, что человек в коричневой куртке — законная добыча. И, что еще хуже, он никак не мог заставить себя отвести лежавший на спусковом крючке палец. На какую-то кошмарную секунду ему показалось даже, что этот самый палец неприметно усиливает давление на курок, неумолимо уменьшая расстояние между собой и величайшей в жизни ошибкой. Позже он понял, что хотя бы это было иллюзией вроде той, когда сам сидишь в неподвижном автомобиле, но, поймав краем глаза проезжающую за окном другую машину, почти уверен, что твоя медленно катится назад.

Нет, палец всего лишь застыл, но и это было уж чересчур... настоящий ад. «Джоунси, ты слишком много думаешь», — твердил Пит, в очередной раз застав Джоунси, уставившегося в пустоту, начисто забывшего об окружающих. Вероятно, это означало: «Джоунси, у тебя слишком богатое воображение», — и скорее всего это была правда. Воображение у него действительно было слишком богатое, особенно сейчас, когда он стоял на дереве, под первым в этом году снегом, с прилипшими ко лбу волосами и пальцем, намертво заклинившимся на спусковом крючке, не напрягавшимся, как он боялся, но и не разжимавшимся. Мужчина был уже почти под ним: в прицеле «гаранда» проплывает оранжевая шапка; жизнь человека висит на невидимой ниточке, туго натянутой между дулом ружья и этой кепчонкой. А он, ничего не подозревая, возможно, думает о продаже машины, или о том, как бы половчее изменить жене и не попасться, или о покупке пони для старшей дочери (позже Джоунси узнал, что Маккарти ни о чем подобном не думал, но откуда ему было знать в тот момент, когда палец на крючке превратился в такой же твердый, негнувшийся, застывший завиток). Он и сейчас не знал того, что было неизвестно Джоунси, стоявшему на обочине тротуара в Кембридже, с портфелем в одной руке и выпуском «Бостон феникс» под мышкой, а именно, что смерть была совсем рядом, а может, и не просто смерть, а Сама Смерть, торопливо семенящая фигура, словно сбежавшая из раннего фильма Ингмара Бергмана, нечто, прячущее в складках грубого савана орудие убийства. Возможно, ножницы. Или скальпель.

И — что хуже всего — мужчина не умрет, по крайней мере не сразу.

Свалится и станет с воплями кататься по земле, совсем как Джоунси катался с воплями по мостовой. Правда, он не помнил своих криков, но, разумеется, так оно и было: потом ему рассказывали, а у него не было причин не верить. Наверняка орал благим матом. А что, если мужчина в коричневой куртке и оранжевых аксессуарах начнет звать Марси? Нет, конечно, нет — не в реальности, — но в мозгу Джоунси могут отозваться призывы к Марси. Если с ним приключилась глазная горячка — если он принял коричневую куртку за голову оленя, — вполне возможны и слуховые галлюцинации. Слышать его вопли — и знать, что причиной всему ты... Боже милостивый, нет! И все же палец никак не хотел сползти с крючка.

Из временного паралича его вывело простое и неожиданное событие: незнакомец упал примерно в десяти шагах от корней дерева Джоунси. Вот так, взял и упал. Джоунси услышал болезненный удивленный возглас: «ы-ы-х», и палец сам с собой сполз с крючка.

Мужчина стоял на четвереньках, пальцы в коричневых перчатках (коричневые перчатки, еще одна ошибка, да этот тип с таким же успехом мог бы прикрепить к груди табличку: ЦЕЛИТСЯ СЮДА) царапают уже побелевшую землю. Кое-как поднявшись, он стал что-то бормотать неразборчиво, невнятно, быстро.

— О Господи, Господи, — повторял незнакомец, пошатываясь, как пьяный.

Джоунси знал, что мужчины, очутившись вдали от дома на неделю или хотя бы на уик-энд, предаются всяческим вполне простительным порокам, чаще всего напиваются прямо с утра. Но почему-то ему казалось, что незнакомец не пьян. Без всяких на то оснований: чистая интуиция.

— О Господи, Господи, Господи, — повторял тот, снова пустившись в путь. — Снег. Теперь еще и снег. Пожалуйста, Боже, о Боже, теперь еще и снег, Господи!

Первые шаги были спотыкающимися и неуверенными. Джоунси почти решил, что интуиция на этот раз его подвела, но тут парень пошел ровнее. Он скреб ногтями правую щеку.

Незнакомец проплыл прямо под деревом, на мгновение превратившись из человека в ровный оранжевый кружок с коричневыми выступами по обе

стороны. Голос постепенно отдалялся, какой-то хлюпающий, слезливый, все повторявший «О Господи», со случайными вкраплениями «О Боже», и «Теперь еще и снег».

Джоунси не двигался с места, наблюдая, как тип исчезает под настилом и появляется с другого конца. И сам не понимая почему, развернулся, чтобы проводить взглядом ковыляющего незнакомца. И не сознавал даже, что опустил ружье, предварительно вновь поставив его на предохранитель.

Джоунси не окликнул его по вполне ясной причине: угрызения совести. Боялся, что мужчина с одного взгляда увидит правду в его глазах, даже сквозь слезы и сгущавшийся снег сообразит, что Джоунси не даром торчал наверху с ружьем. И едва не подстрелил его.

Отойдя от дерева шагов на двадцать, неизвестный остановился и замер, подняв правую руку ко лбу козырьком, чтобы защитить глаза от снега. Джоунси решил, что тот увидел «Дыру в стене». Вероятно, до него наконец дошло, что дорога вот она, под ногами, «О Боже» и «О Господи» смолкли, и парень побежал на звук генератора, похмельно раскачиваясь, как матрос на штормовой палубе. До Джоунси доносилось натруженное прерывистое дыхание незнакомца, несущегося к уютному охотничьему домику, над крышей которого лениво поднимаются кольца дыма, тут же тающие в воздухе.

Джоунси начал осторожно спускаться по планкам, прибитым к стволу клена, не забыв перекинуть ружье через плечо (мысль о том, что этот человек может представлять какую-то опасность, ему и в голову не приходила, во всяком случае тогда, просто он не хотел бросать на снегу «гаранд», прекрасное и дорогое оружие). Бедро опять затекло, и к тому времени, как Джоунси слез с дерева, мужчина, которого он едва не подстрелил, почти добрался до двери, которая, естественно, была открыта. Да и кому пришло бы в голову запираяться в такой глуши?

Почти в десяти футах от гранитной плиты, служившей крыльцом «Дыры в стене», мужчина в оранжевой кепке снова упал. Кепка откатилась в сторону, обнажая пропотевший войлок редяющих каштановых волос. Несколько секунд он продолжал стоять на одном колене с опущенной головой. Джоунси снова слышал тяжелое прерывистое дыхание.

Мужчина поднял кепку, водрузил на голову, и тут Джоунси настиг его.

Незнакомец поднялся и неуклюже повернулся. Первое, что отметил Джоунси, — чрезмерно длинное лицо, из тех, что именуют лошадиными. Но едва Джоунси подошел ближе, не хромя, только припадая на больную ногу (и это хорошо, потому что сухой снег под ногами скользит), стало ясно, что физиономия типа вовсе не такая уж и длинная, просто очень испуганная и белая как полотно. На щеке, в том месте, где прошлись ногти, ярко выделялось красное пятно. При виде Джоунси он громко и облегченно вздохнул. Джоунси едва не рассмеялся, вспомнив, как стоял на настиле, беспокоясь, что незнакомец прочтет в его глазах правду. Куда ему! Он уж точно не ясновидящий и явно не интересуется, откуда явился Джоунси и что перед этим делал. У него такой вид, словно он вот-вот бросится Джоунси на шею и примется осыпать слюнявыми поцелуями взасос.

— Слава Богу! — воскликнул незнакомец, протягивая Джоунси руку и шаркая по тонкой наледи свежевыпавшего снега. — О, какое счастье, слава Богу, я заблудился, брожу по лесу со вчерашнего дня, уж думал, что так и замерзну... я... я...

Он оскользнулся, и Джоунси схватил его за плечи. Настоящий верзила, повыше Джоунси, рост которого шесть футов два дюйма, и пошире в груди. Но у Джоунси отчего-то сохранялось впечатление полной невесомости, иллюзорности, будто страх выел человека изнутри и оставил легким, как парашютик одуванчика.

— Легче, парень, — сказал Джоунси. — Спокойно. Все позади, вы в порядке. Давайте-ка я отведу вас в комнату и усажу в тепле, у камина, согласны?

При словах «в тепле» зубы мужчины, словно по команде, начали стучать.

— К-к-к-онечно...

Он безуспешно попытался улыбнуться, и Джоунси снова поразила его неестественная бледность. Утро выдалось холодное, не меньше двадцати градусов, но щеки незнакомца были словно отлиты из свинца и посыпаны пеплом. Единственными цветными пятнами на лице, кроме красной царапины, выделялись бурые полумесяцы под глазами. Джоунси приобнял мужчину за плечи, охваченный внезапной необъяснимой нежностью к этому чужаку, эмоция настолько же сильная, как и первая школьная влюбленность, в Мари Джо Мартино: короткая стрижка, белая блузочка-безрукавка и прямая джинсовая юбка по колено. Теперь он был абсолютно уверен, что мужчина не пьян и пошатывается от страха (и, видимо, от усталости). Но изо рта все же пахло... чем-то вроде бананов... напомнимши почему-то об эфире, которым Джоунси прыскал в карбюратор своего первого авто, «форда», времен Вьетнама, чтобы завести его в морозное утро.

— Зайдем внутрь, хорошо?

— Да. Х-х-холодно. Слава Богу, что вы здесь. Это...

— Мой дом? Нет, моего друга.

Джоунси распахнул потемневшую дубовую дверь и помог мужчине перебраться через порог. Волна теплого воздуха ударила в лицо, и незнакомец охнул от неожиданности. Щеки медленно розовели. Джоунси с радостью отметил, что кое-какая кровь в его теле еще циркулирует.

«Дыра в стене» была настоящей роскошью по меркам любого отшельника. Войдя, вы немедленно оказывались в единственной огромной комнате первого этажа — нечто вроде гибрида кухни, гостиной и столовой, — но сзади были пристроены две спальни и еще одна — наверху, под самой крышей. В большой комнате стоял приятный аромат сосны, от стен шло мягкое желтоватое свечение. Пол устилал ковер навахо, стену украшало покрывало племени микмак с изображением бравых охотников, окруживших вставшего на задние лапы гигантского медведя. Простой дубовый стол, рассчитанный на восемь человек, обозначал границы столовой. На кухне была дровяная печь, в гостиной — камин, когда топилось и то и другое, ты буквально одуревал от жары, хотя за окном и было минус двадцать. Западная сторона представляла сплошное окно, выходившее на длинный крутой обрыв. В семидесятых здесь прошел пожар, и мертвые скрученные деревья до сих пор чернели сквозь белые снежные вихри. Джоунси, Пит, Генри и Бив называли обрыв Ущельем, потому что именно так именовал его отец Бива и его друзья.

— О, слава Богу, слава Богу, и вам тоже спасибо, — твердил мужчина в оранжевой кепке, и когда Джоунси ухмыльнулся такому потоку благодарностей, незнакомец визгливо рассмеялся, словно хотел сказать: да, понимаю, что это смешно, но ничего не могу с собой поделать.

Он принялся глубоко дышать, вдруг став похожим на одного из тех гуру-наставников, которых так часто показывают по кабельному телевидению. И на каждом выдохе выпаливал очередную фразу:

— Господи, прошлой ночью я в самом деле думал, что мне конец... было так холодно, и воздух сырой, я это помню... помню, как думал, о Господи, о Боже, что если все-таки пойдет снег... раскашлялся и не мог остановиться... что-то шуршало в кустах, и я сообразил, что нужно бы перестать кашлять, что если это медведь или... знаете... раздражить его... только я все кашлял, и оно... оно... знаете... просто девалось куда-то...

— Вы видели ночью медведя?

Джоунси был восхищен и потрясен. Он слышал, что здесь водятся медведи:

старик Госслин и его пьянчуги-приятели обожали рассказывать медвежьи истории, особенно приезжим, но при мысли о том, что этот бедняга, потерявшийся во тьме, столкнулся с чудовищем, волосы вставали дыбом. Все равно что слушать повествование матроса о встрече с морским змеем.

— Не знаю, что это было, — сказал мужчина, неожиданно метнув в сторону Джоунси такой хитрый взгляд, что тому стало не по себе. — Не могу сказать точно, потому что к тому времени молнии уже не сверкали.

— Молнии тоже? Ну и ну!

Если бы не очевидно жалкое состояние незнакомца, Джоунси непременно задался бы вопросом, уж не вешают ли ему лапшу на уши. Но, честно говоря, он все-таки подумал, что дело нечисто.

— Сухие молнии, — пояснил мужчина, и Джоунси почти увидел, как он пожимает плечами. Он снова почесал красное пятно на щеке, возможно, легкое обморожение. — Зимой такие молнии предвещают бурю.

— И вы их видели?

— Похоже, что да. — Мужчина снова бросил на Джоунси быстрый взгляд исподлобья, но на этот раз в нем не было ни следа коварства, и Джоунси посчитал, что в первый раз тоже ошибся. В его глазах не было ничего, кроме усталости. — В голове все смешалось... живот болит с той минуты, как я заблудился... он всегда болит, когда я... мне страшно... еще с самого детства...

А он и похож на ребенка, подумал Джоунси. Совершенно беззащитно осматривается, словно у себя дома.

Он повел незнакомца к дивану перед камином, и тот позволил себя вести. «Страшно...», он даже сказал «штрашно» вместо «страшно», совсем как ребенок. Маленький ребенок.

— Дайте мне куртку, — сказал Джоунси, и когда мужчина стал расстегивать пуговицы, а потом потянулся к язычку молнии, Джоунси снова вспомнил, как принял его за оленя, за самца, Господи, Боже ты мой, ошибся, посчитав пуговицу за глаз и едва не всадив в нее пулю.

Малый успел дотянуть молнию до середины, и тут она застряла — заело замочек. Он уставился на нее... нет, вытаращился, словно никогда не видел ничего подобного. И когда Джоунси потянулся к молнии, бессильно уронил руку, предоставив ему действовать. Настоящий первоклашка, натянувший ботинки не на ту ногу или надевший пиджачок наизнанку и покорно подчиняющийся материнским заботам.

В ловких руках Джоунси замочек вновь заработал и легко скользнул до самого низа. За окном постепенно исчезало Ущелье, хотя черные изломанные силуэты деревьев все еще виднелись.

Почти двадцать пять лет назад они впервые собрались здесь поохотиться и потом приезжали почти двадцать пять лет подряд, без единого пропуска, но такого обвального снегопада не было ни разу. Ничего серьезнее внезапного снежного заряда. Похоже, отныне все изменится, хотя разве можно знать наверняка? В наше время кликуши на радио и ТВ кудахчут над четырьмя дюймами свежеснеговой пудры, как над стихийным бедствием. Подумаешь, Новый Ледниковый Период!

Малый по-прежнему стоял неподвижно, в распахнутой куртке и мокрых сапогах, с которых стекали на пол струйки растаявшего снега. И потрясение глазел на потолочные балки, этакий великан-шестилетка. Совсем как... Даддитс. Так и кажется, что из рукавов выглянут варежки на резиночках.

Он и от куртки избавился, как все дети: передернул плечами, и она сползла вниз. Не подхвати ее Джоунси, наверняка упала бы на пол, в самую лужу.

— Что это? — спросил он.

Сначала Джоунси не понял, о чем толкует малый, но, проследив его взгляд, увидел переплетение ниток, свисавшее с центральной потолочной балки: яркое пятно красного и зеленого с вкраплением канареечно-желтого, создающее общее впечатление подобия режущей глаз паутины.

— Это Ловец снов, — сказал Джоунси. — Индейский амулет. Предположительно, отгоняет кошмары.

— Он ваш?

Джоунси не понял, о чем идет речь: то ли о доме (может, парень его не расслышал), то ли о талисмане, но в любом случае ответ был все тот же:

— Нет, моего друга. Мы приезжаем сюда каждый год, поохотиться.

— Сколько вас?

Мужчину бил озноб, зубы стучали. Зябко охватив себя руками, он чересчур внимательно следил, как Джоунси вешает его куртку на вешалку у двери.

— Четверо. Бивер — это его дом — еще в лесу. Не знаю, загонит его снег под крышу или нет. Возможно, замерзнет и прибежит. Пит и Генри отправились в магазин.

— К Госслину, да?

— Угу. Идите садитесь на диван.

Джоунси подвел его к курьезно длинному секционному дивану. Мебель такого рода вышла из моды сто лет назад, но этот все еще держался, да и никакой живности в нем не заводилось. Стиль и вкус не играли в «Дыре в стене» особой роли.

— Постарайтесь согреться, — сказал Джоунси и оставил незнакомца одного.

Тот сидел, как потерянный, дрожа и ежась, зажав руки коленями. Джинсы неестественно бугрились, выдавая надетые под низ кальсоны, и все же незнакомец, очевидно, донельзя продрог. Но цвет лица изменился разительно: если раньше малый выглядел трупом, то теперь он казался жертвой дифтерии.

Пит и Генри занимали большую из двух спален внизу. Джоунси нырнул туда, открыл кипарисовый сундук, стоявший слева от двери, и вынул сложенное одеяло. Снова направляясь к камину, он сообразил, что тот не задал самых элементарных вопросов из тех, какие по плечу даже шестилетним детям, не умеющим расстегнуть молнию.

Укрывая незнакомца одеялом, он спросил:

— Как вас зовут? — И тут же сообразил, что почти знает ответ.

Маккой? Маккан?

Мужчина, которого едва не подстрелил Джоунси, покрепче закутался в одеяло и поднял глаза. Бурые полумесяцы под глазами налились фиолетовым.

— Маккарти, — сказал он. — Ричард Маккарти. — Рука, удивительно пухлая и белая, выползла из-под одеяла, подобно робкому зверьку. — А вы?

— Гэри Джоунс, — ответил тот, пожимая мягкую ладонь пальцами, едва не спустившими курок. — Для друзей — Джоунси.

— Спасибо, Джоунси. — Маккарти с благодарностью посмотрел на него. — Похоже, вы спасли мне жизнь.

— О, вы преувеличиваете, — отмахнулся Джоунси, снова вглядываясь в красную бороздку.

Да нет. Это просто обморожение. Наверняка обморожение.

Глава 2. БИВ

1

— Надеюсь, вы понимаете, что я не могу никому позвонить? — сказал Джоунси. — Здесь поблизости нет телефонов. Из всех достижений цивилизации только генератор, и все.

Маккарти, закутанный до самого носа в одеяло, кивнул.

— Я слышал гудение, но знаете, когда заблудишься, слух играет с тобой плохие шутки. Кажется, звук идет слева или справа, а потом можно поклясться, что он доносится откуда-то из-за спины, и лучше всего повернуть назад.

Джоунси кивнул, подумав, что на самом деле понятия не имеет, как все это бывает. Если не считать первых дней после несчастного случая, проведенных в бредово-наркотических скитаниях и боли, ему не приходилось теряться в лесу.

— Я пытаюсь придумать, как лучше поступить, — сказал Джоунси. — Наверное, когда Пит и Генри вернутся, мы вас проводим. Сколько человек было в вашей компании?

Маккарти, казалось, не сразу сообразил, о чем речь. Это, заодно со спотыкающейся походкой, еще больше укрепило Джоунси в уверенности, что парень перенес настоящий шок. Интересно, возможно ли такое после единственной ночи, проведенной в лесу, и как бы выглядел он сам на месте Маккарти?

— Четверо, — выговорил тот после минутного размышления. — Совсем как и вас. Мы охотились попарно. Я был с приятелем, Стивом Отисом. Тоже адвокат, как и я, из Скоухигана. Мы все оттуда, и эта неделя для нас... много значит.

— Понимаю, — улыбнулся Джоунс. — Как и для нас.

— Так или иначе... я, видимо, задумался и сбился с пути. — Он покачал головой. — Сам не понимаю, как это вышло. Я слышал Стива, временами даже видел сквозь деревья его жилет и потом... просто не знаю. Наверное, погрузился в свои мысли... лес для этого самое подходящее место, и — бац — очутился в самой глуши. Кажется, сначала я пытался вернуться по собственным следам, но тут совсем стемнело... — Он снова покачал головой. — В мозгах все смешалось, но, да, нас было четверо, и, похоже, это единственное, в чем я уверен. Я, Стив, Нэт Роупер и сестра Нэта — Бекки.

— Должно быть, они с ума сходят от тревоги.

Маккарти мгновенно растерялся и мрачно нахмурился: очевидно, столь простая истина до него не доходила.

— Да... наверное. Ну конечно же! О Господи, Господи!

Джоунси едва сдержал улыбку. В таком состоянии Маккарти удивительно напоминал персонажа картины «Фарго».

— Поэтому я и считаю, что вас следует немедленно туда проводить. Если...

Не хотелось быть обузой...

— Мы вас отведем. Если сумеем. То есть если погода позволит.

— Да, погодка, — с горечью протянул Маккарти. — Уж эти синоптики, с их чертовыми спутниками и Доплер-радарам! Казалось бы, можно надеяться на верные прогнозы, так нет! Вот вам их «ясно, умеренно, холодно», можете радоваться.

Джоунси недоуменно уставился на покрасневшую физиономию, увенчанную слипшейся челкой редеющих каштановых волос. Он сам слышал последние прогнозы — он, Пит, Генри и Бив, — и все предупреждали о возможном снегопаде в ближайшие дни. Правда, кое-кто оговаривался «снег, переходящий в дождь», но ведущий радиостанции Касл-Рок (едва ли не единственной, которую они ловили, да и то с помехами) рассуждал насчет метелей, шести — восьмидюймовых заносах, возможно, с северо-восточным ветром, если температура не поднимется и циклон не уйдет в сторону моря. Джоунси понятия не имел, откуда

Маккарти слышал свой прогноз, но уж точно не из Касл-Рока. А может, просто спутал, даже наверняка, и ничего тут удивительного.

— Пожалуй, разогрею-ка я суп. Как насчет супа, мистер Маккарти?

— Прекрасная мысль, — благодарно улыбнулся Маккарти. — Вчера ночью и утром у меня ужасно болел живот, но теперь стало легче.

— Стресс, — кивнул Джоунс. — Меня бы на вашем месте наизнанку выворачивало, а может, и в штаны бы наложил.

— Меня не рвало, — сказал Маккарти. — Уверен, что нет. Но... — Он снова резко дернул головой. Нервный тик? — Не знаю. Все слилось в один огромный кошмар.

— Теперь кошмару конец. — Джоунси чувствовал себя престарелой клушкой, хлопочущей над цыпленком. Но ничего не поделаешь, парня нужно как-то успокоить.

— Хорошо, — вздохнул Маккарти. — Спасибо. И я с удовольствием съел бы суп.

— Какой хотите? Есть томатный, куриный и, кажется, банка говяжьего.

— Куриный, — сказал Маккарти. — Мама, всегда говорила, что лучшее лекарство от всех болезней — куриный бульон.

Он широко улыбнулся, и Джоунси изо всех сил постарался скрыть потрясение. Зубы Маккарти оказались белыми и ровными, чересчур, неестественно ровными для того, чтобы быть своими, выдававшими, однако, возраст: сорок пять или около того. Но четырех по меньшей мере не хватало — верхних клыков (которые отец Джоунси называл «зубами вампира») и двух передних внизу, Джоунси не знал, как они называются. Однако был твердо уверен в одном: Маккарти ничего не знал о потере. Ни один человек, помнящий о черных провалах в белом частоколе, не будет обнажать их так бесстыдно, даже в подобных обстоятельствах.

Он повернулся к кухне, надеясь, что Маккарти не успел увидеть его ошеломленное лицо и встревожиться. А может, и спросить, что стряслось.

— Один куриный бульон. Заказ принят, придется чуточку обождать. Как насчет поджаренного сыра к бульончику?

— Если это не слишком вас затруднит. И зовите меня Ричардом, ладно? Или Риком, так даже лучше. Когда люди спасают мне жизнь, предпочитаю быть с ними на короткой ноге, причем с самого начала.

— Рик так Рик.

Лучше бы тебе починить зубы, до того как предстанешь перед другими присяжными, Рик.

Ощущение чего-то неладного становилось все сильнее. Опять этот щелчок в мозгу, совсем как в тот момент, когда он почти угадал имя Маккарти. Пока еще он был далек от сожалений по поводу того, что не подстрелил этого типа при первой возможности, но в глубине души уже жалел о том, что черт не увел Маккарти за сто миль от его дерева и его жизни.

Он уже поставил бульон на плиту и резал сыр на сэндвичи, когда рванул первый порыв ветра — пронзительный вопль, заставивший дом натужно скрипнуть и яростно взметнувший снежную пелену. На какое-то мгновение даже костлявые закорючки сгоревших деревьев в Ущелье были стерты, сметены, и за окном встал огромный белый призрак, словно кто-то взял на себя труд вывесить гигантский киноэкран.

Впервые за все время Джоунси почувствовал легкую тревогу, не только за Пита и Генри, вероятно, возвращавшихся в эту минуту из магазина на «скауте» Генри, но и за Бивера. Конечно, если кто и знал здешние леса, так это Бивер, но разве можно ориентироваться в этой завихрухе, «все ставки аннулированы», еще одно изречение его никчемного отца, не такое точное, как «удачу за деньги не купишь». Правда, Бивер мог найти дорогу по шуму генератора, но, как верно сказал Маккарти, в лесу, да еще в метель, сложно определить, откуда идет звук. Особенно при разгулявшемся ветре...

Мать научила его стряпать с дюжину простых блюд и в том числе делать сэндвичи с расплавленным сыром. «Сначала положи немного горчечкашек, — наставляла она (горчечкашками Джанет Джоунс назвала горчицу, от слов «горчица и какашки»), — намажь маслом хлеб, именно хлеб, а не сковороду, иначе получишь поджаренный хлеб с кусочками сыра, и ничего больше». Он до сих пор не понимал, в чем тут разница и каким образом намашенная сковорода может повлиять на конечный результат, но свято следовал заветам матери, хотя считал сплошной морокой смазывать верхнюю сторону хлеба, пока поджаривается нижняя. Но точно так же снимал резиновые сапоги, входя в дом, потому что мать считала, «будто от них ноги горят». Джоунси понятия не имел, что это означает, но и сейчас, приближаясь к сорокалетнему рубежу, стаскивал сапоги, как только переступал порог.

— Думаю, я и сам не прочь это попробовать, — сказал Джоунси, выкладывая сэндвичи на сковороду маслом вниз. Бульон уже закипал, от него шел дивный запах — уюта и тепла.

— Разумеется. Надеюсь, с вашими друзьями все в порядке.

— Да, — рассеянно произнес Джоунси, помешивая в кастрюльке. — Где вы остановились?

— Ну... мы обычно охотились в Марс-хилл, там у дяди Нэта и Бекки был охотничий домик, но два года назад какой-то кретин поджег его. Пьянство и сигаретные окурки до добра не доведут, как говорят пожарные.

— Да, дело обычное, — кивнул Джоунси.

— Правда, страховку выплатили, но охотиться стало негде. Я уже думал, что на этом всему конец, но Стив нашел довольно милое местечко в Кинео. Я думал, это просто тауншип^[9], нечто вроде поселка, еще одна часть Джефферсон-тракт, но немногие жители зовут его Кинео. Вы знаете, о чем я?

— Знаю, — проговорил Джоунси онемевшими губами.

Очередной телефонный звонок из ниоткуда. «Дыра в стене» находилась примерно в двадцати милях к востоку от магазина Госслина. Кинео же был милях в тридцати к западу. Всего пятьдесят миль. И его хотят убедить, что человек, сидящий на диване и едва не с головой укутанный в пуховое одеяло, прошагал со вчерашнего дня пятьдесят миль? Бред. Немыслимо.

— Вкусно пахнет, — сказал Маккарти.

Так и было, вот только Джоунси потерял аппетит.

3

Он как раз нес тарелку к дивану, когда послышался топот ног по гранитной плите. Дверь распахнулась, и в комнату в клубах снега ввалился Бивер.

— Член Иисусов! — воскликнул он.

Как-то Пит составил список биверизмов, и «Член Иисусов» оказался в первой пятерке вместе с такими перлами, как «слизь подзалупная» и «поцелуй меня в задницу», выражениями, отдававшими одновременно дзен-буддизмом и непристойностью.

— Я уж боялся, что так и останусь в снегу, но тут увидел свет, — продолжал Бив, воздев к потолку руки с расставленными пальцами. — Узрел свет, Господи, да, сэр, слава Ии...

Но тут запотевшие стекла очков начали потихоньку проясняться, Бив заметил незнакомца на диване, медленно опустил руки и улыбнулся; одна из причин, по которой Джоунси любил его еще с начальной школы. Пусть Бив иногда бывает утомительным, надоедливym и уж, разумеется, его никак нельзя назвать самой яркой лампочкой в люстре, но первой реакцией на неожиданность и внезапность всегда были не сдвинутые брови, а улыбка.

— Привет, — сказал он. — Я Джо Кларендон. А вы кто?

— Рик Маккарти.

Рик встал, одеяло свалилось, и Джоунси увидел солидное брюшко, выпирающее из-под свитера. Что ж, ничего удивительного, подумал он, обычный недуг среднего возраста, который и нас прикончит лет через двадцать или около того.

Маккарти протянул руку, попытался шагнуть вперед и споткнулся об упавшее одеяло. Не схвати его Джоунси за плечо, наверняка пропахал бы носом пол, сметая по пути журнальный столик, на котором стояли тарелки. И Джоунси снова поразила странная неуклюжесть гостя, заставившая вспомнить, каким был он сам прошлой весной, когда снова учился ходить.

Только сейчас ему удалось разглядеть пятно на щеке Маккарти — оказалось, это вовсе не обморожение, а что-то вроде нароста или родимого пятна с вросшей щетиной.

— Ой, только ничего не ломать! — Бив схватил руку Маккарти и принялся энергично трясти, пока Джоунси не показалось, что Маккарти вот-вот рухнет на журнальный столик.

Он тихо порадовался, когда Бив — все пять футов шесть дюймов Бива — отступил, стряхивая тающий снег с черных, длинных под хиппи волос. Бив снова улыбался, еще шире обычного, и со своими лохмами до плеч и толстыми стеклами очков был, как никогда, похож на математического гения или серийного убийцу, хотя на деле был плотником.

— Рiku паршиво пришлось, — сказал Джоунси. — Заблудился вчера и провел ночь в лесу.

Гостеприимная улыбка Бива превратилась в сочувственную. Джоунси, зная, что за этим последует, сжался, посылая Биву мысленную команду заткнуться: у него сложилось впечатление, что Маккарти как человек верующий не выносит богохульства, но, разумеется, просить Бивера хорошенько промыть рот все равно что заклинять ветер уgomониться.

— Сучье вымя! — воскликнул Бивер. — Охренеть можно! Садитесь! Ешьте! И ты тоже, Джоунси!

— Нет уж, лучше ты, — отказался Джоунси. — Тебе нужно согреться.

— Точно не хочешь?

— Не волнуйся, пойду сделаю себе яичницу. А Рик пока расскажет подробности.

Может, хоть ты сумеешь разобраться во всем этом нагромождении несуразиц, подумал он.

— Так и быть. — Бивер стащил куртку (красную) и жилет (разумеется, оранжевый) и хотел было швырнуть их на вязанку дров, но тут же вспомнил что-то. — Погоди-погоди, у меня тут кое-что твое.

Сунув руку в глубокий карман пуховика, он порылся и вытащил книгу в мягкой обложке, довольно помятую, но в остальном вполне пригодную для чтения. На обложке с надписью «Роберт Паркер. Маленькие слабости» плясали дьяволята с вилами. Книга, которую Джоунси забыл на настиле. Бив с улыбкой протянул ее другу:

— Я оставил твой спальный мешок, но подумал, что ты не заснешь, пока не узнаешь, какой хрен это сделал.

— Не стоило лезть наверх в такую погоду, — сказал Джоунси, но на самом деле это его сильно растрогало.

Никто, кроме Бива, на такое не способен, и от этого становилось легче на душе. Значит, Бив продирался сквозь метель и не смог понять, сидит ли еще Джоунси на дереве. Конечно, Бив мог бы его окликнуть, но такое не для Бива. Девиз Бива — верить лишь тому, что видишь собственными глазами.

— Чепуха, — отмахнулся Бив и сел рядом с Маккарти, глазевшим на него, словно на редкостного экзотического зверька.

— Все равно спасибо, — кивнул Джоунси. — Займись сэндвичем. Я пошел жарить яичницу.

Он уже шагнул к плите, но поспешно обернулся:

— А Пит с Генри? Как по-твоему, они успеют добраться к ночи?

Бив открыл было рот, но прежде чем успел ответить, ветер с новой силой набросился на домик, завывая в стропилах и скрипя досками.

— А, подумаешь, пара снежинок, — усмехнулся Бивер, когда порыв ветра стих. — Конечно, успеют. А вот если начнется настоящая вьюга, пожалуй, из дома носа не высунешь.

Он впился зубами в сэндвич, а Джоунси поставил на огонь сковороду и еще одну банку с супом. Теперь, когда Бивер был рядом, ему стало легче. По, по правде говоря, ему всегда становилось легче, когда Бив был рядом. Бред, конечно, но так оно и есть.

Когда яичница поджарилась, а суп закипел, Маккарти болтал с Бивером, словно оба подружились едва ли не с пеленок. Если Маккарти и был оскорблен непрерывным потоком хоть и забавного, но все же сквернословия, все перевесило несомненное обаяние Бива. «Объяснить это невозможно, — сказал как-то Генри. — Бив охламон, настоящий охламон, но его просто невозможно не любить. Поэтому и постель у него не остывает, не думаешь же ты, что бабы ловятся на его неземную красоту!»

Джоунси понес суп с яичницей в гостиную, стараясь не хромать: поразительно, насколько сильнее ноет бедро в плохую погоду. Он всегда думал, что это бабушкины сказки, но, похоже, ошибался.

Он с трудом опустилсЯ в кресло рядом с диваном. Маккарти больше трепал языком, чем ел. Он почти не притронулся к супу и прикончил только половину сэндвича.

— Ну как вы, парни? — спросил Джоунси и, посыпав яичницу перцем, принялся энергично жевать: похоже, аппетит его все-таки не покинул.

— Мы — два счастливых блюда, — сказал Бивер, но, несмотря на легкомысленный тон, Джоунси показалось, что он взволнован, даже, пожалуй, встревожен. — Рик рассказывал мне о своих приключениях. Совсем как история из тех журналов для взрослых, что валялись в парикмахерских, когда я был сопляком.

Он, все еще улыбаясь, обернулся к Маккарти, обычный, вечно улыбающийся Бив, по привычке запустивший руку в тяжелую гриву волос.

— Тогда на нашей стороне Дерри парикмахером был старик Кастонже, он пугал ребятишек своими огромными ножницами до такого посинения, что меня, бывало, на веревке к нему не затащишь.

Маккарти слабо улыбнулся, но не ответил, поднял оставшуюся половину сэндвича, осмотрел и снова положил. Красная метка на щеке пылала багрецом, как только что выжженное клеймо Бивер тем временем продолжал трещать, словно боялся, что Маккарти ненароком скажет хоть

слово. За окном продолжал валить снег, ветер не унимался, и Джоунси подумал о Генри и Пите, возможно, застрявших в старом «скауте» на Дип-кат-роуд.

— Оказывается, Рик не только едва не попал в лапы ночного чудовища, вполне возможно — медведя, но и ружье потерял. Новенький с иголки «ремингтон 30–30», отпад, но только тебе его никогда больше не видать, ни единого шанса на миллион!

— Знаю, — сказал Маккарти. Краска снова сошла со щек, вытесненная свинцовой бледностью. — Не помню даже, когда я его бросил или...

По комнате внезапно пронесся резкий отрывистый рокот, словно кто-то рвет бумагу. Джоунси почувствовал, как мурашки бегут по коже. Неужели что-то застряло в дымоходе?

Но тут же понял, что это Маккарти. В свое время Джоунси слышал немало непристойных звуков, и громких, и долгих, но такого... Кажется, это длилось вечность, хотя на деле прошло не больше нескольких секунд. И тут же — нестерпимая вонь.

Маккарти, поднявший было ложку, уронил ее в нетронутый суп и почти девичье-смущенным жестом поднес правую руку к изуродованной щеке.

— О Боже, простите, — сказал он.

— Ничего страшного, всякое бывает, — усмехнулся Бивер, но скорее по стародавней привычке.

В эту минуту им владел инстинкт, инстинкт и ничего больше. Но Джоунси видел, что Бив так же ошеломлен запахом, как и он сам. Это был не привычный сернистый смрад тухлых яиц, унюхав который, можно посмеяться и, помахав рукой, шутливо спросить: «Ах, черт, кто это режет сыр?» И не болотно-метановая вонь. Нет. Джоунси узнал этот запах, такой же, как изо рта Маккарти: смесь эфира и перезрелых бананов, совсем как пусковая жидкость, которую заливаешь в карбюратор в морозное утро.

— О Боже, это ужасно, — повторял Маккарти. — Мне так неловко.

— Да ничего страшного, — сказал Джоунси, хотя внутренности свернулись

в тугой клубок, словно перед приступом рвоты. Теперь он ни за что не сможет доесть, даже пытаться не стоит. Обычно он не так брезглив, но сейчас просто изнемогает от омерзения.

Бив поднялся с дивана и открыл окно, впустив снежный вихрь и поток благословенно чистого воздуха.

— Не стоит волноваться, партнер, но уж больно дух ядреный. Что это вы ели? Кабаний помет?

— Листья, мох и все, что под руку попадалось, не помню точно. Я так проголодался, что готов был наброситься на что угодно, да только ничего в этом не понимаю, так и не прочел ни одной книги Юэлла Гиббонса, и... конечно, было темно, — добавил он, словно по вдохновению, и Джоунси поймал взгляд Бивера, желая убедиться, что тот тоже понимает: каждое слово Маккарти — ложь. Маккарти либо не помнит, что ел, либо не ел вообще, просто пытается объяснить это отвратительное лягушачье кваканье и зловоние, его сопровождавшее.

Снова налетел ветер и с громким жалобным стоном послал новый заряд снега сквозь открытое окно. Слава Богу, хоть вытеснит застоявшийся воздух!

Маккарти подался вперед так поспешно, словно его толкнули в спину, а как только понуро свесил голову, Джоунси сразу сообразил, что сейчас произойдет. Прощай, ковер навахо! Бив, очевидно, подумал то же самое, поскольку поспешно подтянул длинные ноги, оберегая их от брызг.

Но вместо рвоты из утробы Маккарти вырвалось долгое тихое гудение, жалоба станка, работающего на пределе возможностей. Глаза Маккарти вылезли из орбит, как мраморные шарики, а кожа так натянулась на скулах, что, казалось, вот-вот лопнет. И все это длилось и длилось, раскат за раскатом, а когда наконец прекратилось, жужжание генератора показалось чересчур громким.

— Слышал я всякие отрывки, но эта штука бьет все рекорды, — с неподдельным уважением заявил Бив.

Маккарти откинулся на спинку дивана: глаза закрыты, уголки губ опущены, то ли от смущения, то ли от боли, то ли от того и другого вместе. И снова

этот запах бананов и эфира, смрад брожения, словно что-то начинает гнить.

— О Боже, мне так жаль, — сказал Маккарти, не открывая глаз. — Со мной это творится весь день, с самого рассвета. И живот снова болит.

Джоунси и Бив обменялись встревоженными взглядами.

— Знаете что? — предложил Бив. — Думаю, вам нужно прилечь и поспать. Вы всю ночь были на ногах, боясь, что наткнетесь на приставучего медведя и бог знает еще кого. Наверняка измучились, устали и прочее дерьмо. Придавите часиков десять и будете как огурчик.

Маккарти уставился на Бива с такой униженной благодарностью, что Джоунси стало немного стыдно, словно он подглядывал под чужими окнами. Хотя лицо Маккарти было по-прежнему тускло-серым, на лбу выступили огромные капли пота и покатались по щекам, как прозрачное масло. И это несмотря на прохладный сквознячок, гуляющий по комнате!

— Пожалуй, — сказал он, — вы правы. Я устал, вот и все. Живот, правда, ноет, но это все стресс. И ел я незнамо что — ветки и, Господи, о Господи, все, что ни попадя. — Он рассеянно поскреб щеку: — Эта чертова штука на лице очень скверно выглядит? Кровоточит?

— Нет, — заверил его Джоунси. — Обычное покраснение.

— Аллергия, — скорбно признался Маккарти. — Такое же у меня бывает от арахиса. Пожалуй, нужно прилечь. Самое оно.

Он поднялся, но тут же пошатнулся, и прежде чем Бив и Джоунси успели его подхватить, выпрямился и кое-как удержался на ногах. Джоунси мог бы поклясться, что выпуклость, казавшаяся солидным брюшком, почти исчезла. Неужели такое возможно? Или в бедняге действительно было столько газов? Трудно сказать. Одно ясно: выпустил он достаточно, чтобы рассказывать о таком чуде последующие двадцать лет, примерно в таком ключе: «Как вам известно, каждый год, в первую неделю охотничьего сезона мы собираемся в хижине Бивера Кларендона, и как-то в ноябре две тысячи первого, в самую жестокую метель, забрел к нам один тип...» Что ж, забавная история, люди будут смеяться над жалким говнюком, люди всегда рады посмеяться над беднягой, ухитрившимся пукнуть и рыгнуть на весь мир. Но, разумеется, Джоунси никому не признается, как едва не

спустил курок «гаранда», приняв Маккарти за оленя. Эту часть он оставит при себе. Да и не стоит ни с кем делиться таким...

Поскольку одну нижнюю спальню занимали Пит и Генри, Бивер отвел Маккарти в другую, ту, где обычно спал Джоунси, предварительно послав другу извиняющийся взгляд. Тот лишь плечами пожал. В конце концов это вполне логично. Джоунси переночует вместе с Бивером, как когда-то в детстве. Кроме того, неизвестно, сможет ли Маккарти одолеть ступеньки: Джоунси все сильнее тревожило потеющее, оловянно-серое лицо гостя, тупой, какой-то оцепеневший взгляд.

Джоунси был из тех людей, которые, застлав постель, немедленно погребают ее под всякой всячиной: книгами, газетами, одеждой, пакетами и прочими мелочами. Пришлось поспешно смести все это на пол, перед тем как откинуть одеяло.

— Не хотите отлить, партнер? — осведомился Бив.

Маккарти покачал головой, не отводя зачарованного взгляда от чистой голубой простыни. И Джоунси снова поразил его остекленевший взгляд. Совсем как у тех голов, которые принято вешать на стену в качестве охотничьих трофеев.

И тут он внезапно, ни с того ни с сего, увидел свою гостиную в Бруклине, одном из самых престижных пригородов Бостона. Плетеные коврики, раннеамериканская мебель... и голова Маккарти, укрепленная над камином. «Этого я свалил в Мэне. Здоровый был, скотина, фунтов сто семьдесят», — будет он рассказывать гостям на вечеринках.

Конец ознакомительного фрагмента. Читать дальше:

[Перейти](#)